

Валерий ГОРШКОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

**ПО ПРОЗВИЩУ
ВОРОН
ГРОЗА АВТОРИТЕТОВ**

ЭКСМО

Валерий Сергеевич Горшков

Гроза авторитетов

Серия «По прозвищу Ворон», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135684*

Гроза авторитетов: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-18030-3

Аннотация

Мсть – это тяжелая и опасная работа. Бывший майор СОБРа Сергей Северов знает это не с чужих слов. Впрочем, майор Северов остался в прошлом, там, где убиты бандитами его жена и дочь. Теперь он – Ворон, человек вне закона, гроза питерских авторитетов и самых кровавых отморожков. От Ворона не спрячешься, он приходит как сама смерть – неотвратимо и беспощадно. И все-таки Степа Бронский по кличке Алтаец решил бросить Ворону вызов: совершен ряд зверских убийств, а на телах беззащитных жертв – неизменная визитка с изображением ворона. Вот теперь «честный Робин Гуд» замечется как крыса, ведь такое ему никто не простит. Он обязательно ошибется. Тут-то Алтаец и преподнесет ему очень неприятный сюрприз...

Содержание

Пролог	6
Часть I	15
Алтаец	15
Капитан Логинов	21
Алтаец	24
Ворон	28
Алтаец	31
Капитан Логинов	37
Алтаец	39
Ворон	43
Алтаец	47
Капитан Логинов	53
Ребята Кая	57
Ворон	60
Алтаец	63
Капитан Логинов	70
Вася из группы Кая	78
Старший прапорщик Шедьяков	84
Ворон	88
Капитан Логинов	92
Вася из группы Кая	94
Старший прапорщик Шедьяков	97
Кай	103

Ворон	107
Старший прапорщик Шедьяков	110
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Валерий Горшков

Гроза авторитетов

События, описанные в романе, являются авторским вымыслом. Все возможные совпадения с реальными фактами и лицами – случайны.

Бывший командир СОБРа Сергей Северов, в результате мести преступников потерявший жену и дочь, уходит в подполье и под псевдонимом Ворон самостоятельно ведет беспощадную войну с питерской братвой.

Уничтожив нескольких видных криминальных авторитетов, он решает ликвидировать последнего из них, совершающего свои кровавые акции от его, Ворона, имени.

Мститель-одиночка не оставляет без внимания и действия афериста Иванько – этот жулик, создав финансовую пирамиду, сумел ограбить свыше сотни тысяч человек.

Положение Ворона осложняется тем, что на него начинается настоящая охота со стороны компетентных органов...

Пролог

Они никак не могли решить: что же делать с этой девкой?

Бригада уже получила за заложницу в качестве аванса сто тысяч баксов от ее отца, крупнейшего питерского финансиста, предоставив делеге видеопленку, из которой следовало, что его ненаглядная жива-здорова.

Однако вторые сто кусков этот денежный мешок соглашался отдать только при освобождении девицы из рук в руки.

Бригадир, тяжелый детина родом из Сибири, с руками, напоминающими лесные коряги, пребывал в нелегком раздумье.

А подумать действительно было над чем.

Он сколотил группу, основной костяк которой составляли всего три человека, два года назад. Безопасным и прибыльным рэкетом заниматься стало уже поздно – питерский рынок был давно поделен и надежно охранялся братвой.

Подались в киднепперы. И дела пошли успешно. Гарантией и основой их удачного бизнеса, как считали все трое братков, являлось обязательное – после получения выкупа, понятно, – уничтожение заложников.

Но теперь Бригадир определился: нынешнее дело – последнее.

И не потому, конечно, что в газетах стоял по их поводу

несусветный хай, а некий Ворон, или, как его еще называли в прессе, «убийца убийц», обещал лично уничтожить «зажившихся на этой земле уродов». (Это он так про них.) Не знал Бригадир и того, что питерские менты получили на их группу прямую наводку и вот-вот выйдут на тайную хазу, просто сибиряк чисто крестьянским, земляным нутром ощущал: пора уходить.

Но вот что делать с девкой?

Бригаде уже приходилось осуществлять такие операции – одновременный обмен заложников на баксы. При этом всегда группа уходила с долларами, оставляя клиентам трупы. Но опять-таки именно в нынешнем деле Бригадир буквально чуял какой-то подвох.

Вошел Фитиль, долговязый, с большим блатным форсом малый. Как же – три ходки на зону!

– Ну, надыбал, начальник? Что будем делать с «задержанной»?

– Закапывать, – просто сказал тот.

Бывалый зэк, похоже, не ожидал такого ответа, хотя «закапывать» девицу рано или поздно все равно пришлось бы. Да и сам Фитиль делал это не один раз и даже как бы в охотку. Впрочем, тут было скорее другое. За три дня пребывания заложницы на хазе блатарь определенно прикипел к ней.

Вообще эта дочка финансиста оказалась стервой в своем роде удивительной. Ее не только не напугало похищение – она восприняла его восторженно, как давно ожидаемую, но

все время откладываемую веселую загородную пирушку.

Бригадир, мужик кержацких корней и потому не терпевший блуда, запрещал браткам прикасаться к заложницам. Ребята воспринимали приказ с недоумением и затаенным раздражением, но слишком велик был авторитет сибиряка.

Здесь же все пошло наперекосяк. Эта пятнадцатилетняя шлюшка за каких-нибудь полдня самым натуральным образом совратила пацанов. Появилась водяра – спиртное кержак тоже категорически запрещал! – и начался настоящий шалман. И Бригадир впервые за все время существования своей группы почувствовал, что его власть небеспределельна.

В конце концов, тем более что в сознании прочно засела мысль – дело-то последнее, он махнул рукой на загул и блядство. Единственное, что теперь всерьез беспокоило его, – практически некому было проследивать подходы к хазе. Два бойца день и ночь жрали ханку и трахались с «задержанной», а сам Бригадир выполнять черновую работу охранника не хотел, дабы не подорвать собственный авторитет в группе. Так, поглядывал иногда из окошка.

– Ну чего, тогда я пойду напоследок к Иришке? – почти робко спросил Фитиль.

И здесь Бригадир опять-таки дал слабинку. Ну чуял он, чуял: времени на баловство больше нет! Однако разрешил. Но здесь по причине, можно сказать, святой, а Бригадир был человеком по-своему набожным. Дело в том, что «закапывать»-то придется не только девчонку, но и обоих братков. И

потому он как бы выполнял последнее желание смертника.

Бригадир не возьмет с собой ни Фитиля, ни Боцмана – бывшего боксера-средневеса, получившего свою кликуху за постоянное ношение тельняшки.

И не потому, что не хотелось делить с таким трудом заработанные денежки на троих. Хотя и потому – тоже. Главное, Бригадир никак не засвечен в органах. Нет там ни его пальчиков, ни фотки, ни даже словесного портрета – даром, что ли, мочили всех заложников!

Фитиль же, к примеру, – личность известная. Даже сейчас находится в розыске по случаю побега с зоны.

Другое с Боцманом – круглый долбарь. Ни с того ни сего засветился во время очередного обмена заложницы на баксы. И теперь его фоторобот в ментовке определенно имеется. А как-то до самой хазы вел за собой «хвоста». Бригадир тогда просек это очень вовремя. Придушил сявку из «наружки». Потом пришлось срочно новую точку искать.

В общем, возьмут из них любого – и, господин Бригадир, раскрыто ваше инкогнито. За кордон уже не смоешься.

Между тем в соседней комнате сладким сном спала, раз-метав по подушке роскошные русые волосы, ладно сложенная, с миловидным личиком и по-детски пухлыми губками девушка Ира. А прожженный уголовник Фитиль стоял рядом с ней, и ему как будто было жалко ее будить. Наконец он потихонечку стал стягивать с нее одеяло.

– Ириш?!

Та приоткрыла глаза, как-то хорошо, открыто улыбнулась:
– Привет!

Потом она тут же деловито и спокойно расстегнула «молнию» на джинсах Фитиля и, приподнявшись на локоток, приспустила их вместе с трусами. Пристроившись еще удобнее, Ирина приникла ртом к раскаленным гениталиям блатаря и стала уверенными движениями языка, губ и рук обрабатывать их.

Судя по учащенному дыханию и закатившимся глазам Фитиля, делала она это весьма квалифицированно. Но вот Ирина всерьез принялась за его главный эрогенный элемент, и браток аж зашелся будто в лихоманке.

Боцман, зашедший в это время в комнату, тут же стал стягивать штаны, надеясь каким-либо образом пристроиться к этой процедуре. Но, покрутившись и так и эдак, он решил просто дождаться своей очереди.

Появился и Бригадир. Мрачно оглядев происходящее, он вызвал Боцмана в соседнюю комнату.

– Сходи за лопатами, – распорядился босс.

– На хера? – удивился браток. – Сразу в машину и положим.

– Тащи сейчас, а то... забудем, как в прошлый раз.

Вообще-то лопат им забывать еще не доводилось, но спорить Боцман не решился и двинулся в подсобку.

Бригадир же лишил своего бойца его доли физиологического удовольствия все из-за того же, теперь уже угрожающе

нарастающего чувства, что они опаздывают.

Боцман приволок две лопаты, и сибиряк взглянул на них с некоторым омерзением – обе были в засохшей грязи, а на одной остались следы крови, да еще с пучком волос: предыдущую девицу пришлось добывать прямо в ее могиле.

Бригадир вспомнил, как это сделал Боцман, и сейчас его чисто по-крестьянски возмутило, что работники так нерадиво обращаются с инвентарем.

«Помыть за собой не мог, – с неприязнью подумал он о Боцмане, и почему-то пришла в голову совсем уж дурная мысль: – Вот тебя бы самого этой лопатой да по башке».

Пуля была, видимо, небольшого калибра – она прошла затылок Бригадира и вышла меж глаз, не совершив более никаких разрушительных действий – вроде разбрызгивания мозгов по стене.

Сибиряк умирал так же основательно, как и все, что делал при жизни. Он немного постоял, словно призадумавшись – стоит ли уходить в небытие; но вот решение принято, и Бригадир в своей неторопливой, степенной манере перешел в горизонтальное положение.

В дверях стоял человек в черной маске спецназовца. В руках он держал пистолет с глушителем, резкими движениями водил оружием из стороны в сторону.

Но что-то недоучел в своих действиях незнакомец, а точнее, просто не заметил в закутке комнаты Боцмана – туда он

сейчас складывал лопаты.

Бывший боксер сориентировался мгновенно. Ребром ладони правой руки он выбил пистолет у налетчика, а с левой провел замечательный хук в челюсть, после чего человек в маске отлетел к стене, которая только и позволила ему устоять на ногах.

Боцман не стал терять времени – вытаскивать из кобуры «макарова», а быстро приблизился к потрясенному противнику, намереваясь покончить с ним голыми руками.

Добравшись до незнакомца, браток вдруг молча стал оседать на колени и заваливаться на пол – из межреберного пространства Боцмана торчал стилет.

Человек в маске подобрал свой пистолет, огляделся теперь уже повнимательнее и двинулся к дверям следующей комнаты. Прислушался. Похоже, те, кто там находился, никак не отреагировали на бурные события, происшедшие у соседей.

Он резко рванул дверь, и его взору представилась страшная, отвратительная картина: верзила в наколках насилывал в самой что ни на есть изощренной форме милую, беззащитную девушку, почти ребенка.

Насильник немедленно схлопотал пулю в висок.

Девушка, рот которой так внезапно опустел, с негодованием уставилась на вошедшего:

– Ты что наделал, козел драный?

Заметно ошарашенный незнакомец опустил оружие и

быстро подошел к девушке. Нет, зрачки не расширены. Не заметно и следов от наркотических уколов на оголенных руках. Да и алкоголем от нее не пахло! Дитя природы, однако...

Впрочем, досконально рассмотреть девицу человеку в маске не удалось. Та неожиданно ловко нанесла ему довольно чувствительный удар ногой в то самое место, куда учат невинных дев бить, когда на них нападают насильники.

Мужчина, однако, сумел сдержать стон. Молча достал мобильный телефон и стал набирать номер.

– Михаил Борисович? Это Ворон. Дитя ваше живо и здорово. «Скорой помощи» не надо. Спецназа тоже. Выезжайте. – Он продиктовал адрес. – И вот что еще... От предлагаемого вами гонорара я, пожалуй, откажусь.

Закончив разговор, Ворон, так и не сказав ни слова, вернулся в соседнюю комнату. Нет, деньги от такого финансового туза, да еще с очевидными криминальными связями, как Сосновский, он, конечно, возьмет. Но Ворону как-то по-детски захотелось отомстить этой малолетней лярве, ради которой он рисковал жизнью, – мол, ты и гроша ломаного не стоишь.

Ворон снова набрал номер финансиста.

– Это опять я... Так вот, насчет гонорара... Разве я отказался? Я отказался от того гонорара, который вы мне предлагали. Работа оказалась более сложной и жизненно опасной. Короче, мне нужен чек на пятьсот тысяч долларов на предъявителя в одном из иностранных банков, который я вам на-

зову несколько позже. Значит, договорились?..

Он вдруг вернулся мыслями к «лярве», но сейчас совсем по-новому оценил поведение Ирины Сосновской. Ведь перед ней был страшный, вооруженный мужик в маске, только что замочивший ее любовника. Да тут любой в штаны наложит без всякого слабительного! А как девчонка себя с ним вела! Как разговаривала!

Периферическим зрением Ворон уловил какое-то движение. У стены все еще стоял заваленный им братан со стилетом между ребер. Он делал слабую попытку вытащить свой пистолет из подмышечной кобуры. Пулю тратить на него не хотелось. Много чести!

Взгляд Ворона наткнулся на пару грязных лопат, предназначение которых сразу стало для него ясным. Он взял одну из них, с пятнами крови и налипшими волосами, и коротким резким движением снес братку голову.

Как предпочитают в таких случаях выразиться судебные медики, была нанесена травма, несовместимая с жизнью.

Часть I

Два мстителя

Алтаец

Услышав далекий глухой щелчок металлической двери-решетки, донесшийся из тюремного коридора, и последующие за ним уверенные шаги сразу нескольких человек, Алтаец оторвал неподвижный взгляд от тусклой, засиженной мухами лампочки под потолком и приподнялся на локтях.

Шаги приближались. Сомнений не было – невидимые сквозь стальную дверь камеры гости направляются именно к нему. Значит, уже утро. Как же быстро летит время...

Спустив ноги с прикрученной к полу металлической кровати, он оперся спиной о холодную выщербленную стену, на секунду прикрыл глаза, а потом резко, словно сбрасывая с себя оцепенение, провел обеими ладонями по густо поросшему щетиной лицу и шумно выдохнул. Будь они прокляты, эти поганые мусора!

В замке, не смазываемом, видимо, со дня основания питерского следственного изолятора, с противным скрежетом дважды провернулся ключ. В полумрак крохотного мрачного помещения камеры-одиночки ворвался яркий свет из ко-

ридора, озарив со спины стоящих в проеме людей и сделав их похожими на темные бестелесные силуэты ночных призраков.

Алтаец мысленно усмехнулся такому внезапно пришедшему на ум сравнению и поднялся на ноги. Молча наблюдал, как вслед за двумя прапорщиками в мятой форме, чьи тупые рожи за восемь месяцев и шесть дней пребывания в СИЗО обрыдли буквально до тошноты, в камеру заходит еще один человек. Это был невысокий сутулый старичок с перекинутым через руку полотенцем и маленьким, выдавшим виды чемоданчиком в сморщенной, как у мумии египетского фараона, костлявой руке.

– Подъем, свинья! – рявкнул один из вертухаев, тут же ткнув и без того стоящего на ногах Алтайца резиновой дубинкой в грудь. – А теперь – сидеть!

Пошатнувшись, все еще внешне крепкий, но после долгой отсидки в этой затхлой крысиной норе заметно физически сдавший арестант не устоял на ногах и неуклюже осел на отшлифованные сотнями тел, почерневшие от времени доски лежака.

Вертухаи встали по обе стороны от Алтайца, со зверскими выражениями на рожах поигрывая «демократизаторами».

– С-сидеть, гнида! – наклонившись к самому лицу зэка и дыхнув застоявшимся перегаром, прошипел краснорожий прапор. – Иначе, плесень... В общем, ты меня знаешь!

Скрипнув зубами от клочущей внутри дикой злости,

Алтаец не произнес ни слова. Он еще слишком хорошо помнил ту самую первую ночь в изоляторе, когда его в перепачканном уличной грязью и со следами протектора омовских ботинок белом костюме от Кельвина Кляйна определили в отдельные апартаменты. И тут же именно этот отмороженный ублюдок в погонах вломился в камеру и ни с того ни с сего принялся дубасить его сначала пудовыми кулаками, а потом, упавшего на холодный пол, мутузить тяжелыми сапогами с металлическими набойками на носках.

После столь тесного общения с садистом-прапором, за все время избиения не произнесшим ни одного слова, Алтаец немало дней харкал и мочился кровью, отлеживаясь в тюремной больничке, а потом еще долго морщился при каждом резком телодвижении – следствие сломанных ребер и отбитых почек.

Едва чуток оклемался – начались изнуряющие допросы, когда несколько суток подряд ему не давали спать, умышленно поднимая ударами дубинок, едва он закрывал глаза и начинал проваливаться в спасительное забытие.

Снова и снова его водили на допрос к следаку, заставляя в который раз повторять предыдущие показания. Тогда менты решили сломать его с ходу, подвести под «мокрую» статью, но он держался до последнего, в конце концов заставив следователя отказаться от бесполезной траты времени и сил.

Хотя за несговорчивость свою заплатить пришлось дорого. За все время, пока он гнил в этом сыром каменном скле-

пе, менты не дали ни одного свидания, не принесли ни единой передачи! Все новости Алтаец узнавал исключительно через адвоката, который был его последней связующей нитью с внешним миром, начинающимся за воротами СИЗО.

Алтаец окинул уничтожающим взглядом похожую на тухлый помидор, изъеденную глубокими кратерами оспы рожу вертухая и отвернулся, в который уже раз поклявшись, что первым делом, как только окажется на свободе, лично убьет этого скота.

Вот только когда это счастье подвалит?.. Если верить адвокату – лет через пять-шесть, не раньше. И то при самом благоприятном раскладе.

Ни один судья не рискнет, без перспективы крупных разборок с начальством и риска навсегда поставить крест на своей вшивой карьере, дать меньший срок. Ибо взяли их с Фролом прямо во время сделки, на горячем. В Морском порту повязали железнодорожный контейнер Алтайца с «ножками Буша», среди которых обнаружались ящики с автоматами «АКСУ», полсотни гранатометов «муха», патроны и прочие ходовые игрушки, которых всей питерской братве хватило бы на месяц ведения крупномасштабных боевых действий.

А пока он, Степа Бронский по кличке Алтаец, последний оставшийся в живых из некогда трех самых влиятельных криминальных авторитетов Питера – другими двумя были горящие ныне в аду Пегас и Бизон, – будет чалиться у

«хозяина», много воды утечет. Доходные коммерсанты, регулярно пополняющие кассу его пока еще существующей, но уже полуразгромленной ментами и конкурентами группировки, уплывут под другие «крыши». Значит, восстановить статус-кво без большой крови уже не удастся. И неизвестно еще, как карта ляжет. За пять лет многое может измениться. Если не все...

Авторитет молча наблюдал, как высохший сутулый старик не спеша достает из чемоданчика металлическую ступку, помазок, серое, потрескавшееся мыло, чуть изогнутую в форме полумесяца опасную бритву и со знанием дела принимается намыливать его впалые колючие щеки густой, отвратительно пахнущей пеной...

Сверкнув острым лезвием, опасная бритва едва ощути-мо прижалась к горлу Алтайца, задержавшись в таком положении на долю секунды, а потом медленно, но уверенно поползла вверх, с тихим хрустом срезая выросшую на лице жесткую, с едва заметной проседью, щетину.

Алтаец сидел на нарах, чувствуя кожей отточенную сталь лезвия, и не моргая смотрел в карие глаза слегка прищурившегося старика.

Ему вдруг показалось, что он видит в зрачках этого сморщенного, как прошлогодний урюк, тюремного цирюльника свое отражение. Но не в нынешнем весьма печальном виде, а в том самом цивильном костюмчике за две штуки баксов, в котором его повязали облаченные в черные маски специа-

зовцы и, вытерев о белоснежную дорожную ткань ноги, затолкали в «уазик» и привезли сюда.

По счастливой случайности, Ланы в тот момент рядом с ним не оказалось...

Лана! Едва оказавшись в лапах вертухаев, Алтаец не переставая думал о ней...

Капитан Логинов

Черный, раскрытый настежь кейс с аккуратными пачками потертых, перетянутых тонкими оранжевыми резинками американских долларов лежал на столе рядом с двумя упаковками внешне очень похожего на известь «белого снега». Проверка товара на вкус, которую провел дока-капитан, еще раз подтвердила – перед ними был героин самой высокой пробы!

Казалось, еще несколько томительных, бесконечных минут – и секретная операция, на подготовку которой у группы Логинова ушло почти пять месяцев, закончится. Костя все отчетливей чувствовал, как от невероятного нервного напряжения на его лице начинают появляться капли предательского пота. Только бы эти прожженные деляги ничего не заподозрили!.. Хотя в чем, собственно говоря, дело-то, а?! Он просто волнуется, как и все остальные парни, выбравшие однажды прибыльную, но рискованную работу драгдилера и во время закупки очередной партии вынужденные всегда опасаться, что тебя могут попросту кинуть. Двести тысяч баксов – сумма серьезная. Каждая сделка с героином на такую сумму пробирает до самых костей. Можно подумать, что эти ребята, продавцы, сами не боятся! Как бы не так...

– О'кей, парни, товар ваш! – подбросив в воздухе упругую стопку баксов, наконец пробормотал толстяк в бейсболке, и

его тонкие бескровные губы стали медленно растягиваться в стороны. – Забирайте! Надеюсь, все купюры старые, из разных серий?

– Как договаривались, Скорпион, – солидно ответил Валера Дреев, Костин напарник, плечистый здоровяк, увешанный золотыми прибабасами, как последний ниггер из Южного Бронкса. Это был третий капитан из Управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (УБНОН). Он хищно улыбнулся стоящим напротив них матерым «паукам» наркодельца Карима Лероя и, осторожно подняв со стола килограммовую упаковку колумбийского наркотика, передал ее Логинову.

– «Снежок» знатный, ничего не скажешь... До сих пор во рту холодит.

Ну вот практически и финал. Сколько сил затрачено, сколько времени, но игра стоила бессонных ночей и истекших воском свеч! Теперь Валере оставалось лишь подать условный сигнал рассредоточившейся снаружи группе захвата, произнеся короткую, ничего не значащую для посторонних фразу в ловко закрепленный на лацкане малинового пиджака скрытый микрофон. И очень скоро их будут «брать», всех вместе, создавая полную иллюзию отсутствия какой-либо подставы, а для вящей убедительности даже ранят обоих «покупателей» капсулами с красной краской.

Только ни жирный Скорпион, ни его подельник, уса́тый малый, знать об этом не будут...

В этот момент дверь в комнату распахнулась, и в проеме неожиданно появился еще один фигурант.

Это был сухой, смуглый, морщинистый азиат.

Он молча перешагнул порог, оставив дверь открытой, и остановился, демонстрируя довольным заключенной сделкой «коммерсантам» два ряда сверкающих золотых зубов.

Логинов только взглянул в его лицо и сразу же ощутил, как по взмокшей спине медленно прокатилась волна арктического холода.

Фиксатый, судя по тому, как судорожно вздрогнули его напрягшиеся брови, тоже узнал этого человека.

Алтаец

Лана! Едва оказавшись в лапах вертухаев, Алтаец не переставая думал о ней.

Правду о своем тайном «приобретении», обошедшемся в двести тысяч долларов сразу и еще в двенадцать – каждый месяц, не знали даже приближенные к Алтайцу бойцы, включая самого преданного пса, его «правую руку» и начальника контрразведки – Зомби, застреленного омоновцами при задержании в казино «Конти».

В этом и заключался смысл приобретения, ведь в его суровой жизни подлянки можно ожидать буквально на каждом шагу, причем от приближенных – вдвойне. Кому из потенциальных врагов придет в голову считать сопровождающую авторитета молоденькую шоколадную брюнетку с округлой грудью, подиумной походкой и точеной фигуркой кем-то еще, кроме дорогой и приятной на ощупь игрушки, какие есть у каждого уважающего себя так называемого нового русского?

Купив Лану по приватной рекомендации своего мурманского кореша Монаха, уже успевшего обзавестись выпускницей школы бодигардов, Алтаец остался доволен. Ведь он был единственным, не считая инструкторов секретного учебного центра в Белоруссии, кто знал о реальных способностях этой хрупкой, нежной и не по годам искушенной в сексе восемна-

дцатилетней девушки. Видимо, искусство обольщения тоже входит в число дисциплин, которым обучают девочек-подростков бывалые профессионалы обоих полов. Причем не менее старательно, чем светским манерам, не говоря уж про умение обращаться с оружием, приемы рукопашного боя и прочие науки, жизненно необходимые каждому бодигарду для выполнения своих многотрудных обязанностей.

Алтаец хорошо помнил первую встречу с Ланой и то, какие поразительные вещи вытворяла она с тяжелым «Зиг Зауэром» в тире и с тремя шкафообразными мужиками, спарринг-партнерами, в спортивном зале. Тогда поднаторевший в кровавых разборках авторитет сразу понял, что лучшего телохранителя ему никогда и ни за какие деньги не найти.

Лана... Как она сейчас? С кем?

Алтаец впервые поймал себя на мысли, что натуральным образом ревнует собственного телохранителя! Впрочем, если разобраться, то, может, за те пять месяцев, в течение которых Лана неотлучно находилась рядом, днем, в присутствии посторонних, совершенно естественно играя роль дорогой эксклюзивной «вешалки» при большом боссе, а ночью, когда они оставались одни, по-настоящему отдавая ему свою любовь, их отношения как-то незаметно трансформировались в нечто другое, чем просто выполнение двухлетнего контракта с организовавшими столь экзотический и прибыльный бизнес бывшими сотрудниками «конторы»? Или,

может, он, видный криминальный авторитет, до встречи с Ланой во все возможные места поимевший ораву самых разных баб – от толстых и низкозадых цыганок до высоких и худых шведских леди, – наконец-то почувствовал к женщине нечто большее, нежели обычное желание пару раз за сутки поставить ее раком, раздвинуть ноги и проникнуть в мягкую, горячую, чуть сопротивляющуюся плоть?

– Эй, бля, криволапый! – вдруг сорвалось с языка у Алтайца, когда острое лезвие опасной бритвы, распоров кожу в районе кадыка, мягко вошло внутрь.

Он резко дернулся и ошарашенно посмотрел сначала на парикмахера, а потом на стоящих по обе стороны здоровенных вертухаев.

Их лица были спокойны, как каменные изваяния.

Сбежавшая из раны алая кровь, смешавшись с мыльным сгустком, крупной каплей упала на лежащее на плечах застиранное тюремное полотенце, а попавшая в свежий порез пена стала нестерпимо жечь. Степан внезапно вспомнил подробности смерти одного из средневековых королей, зарезанного в одно прекрасное солнечное утро собственным циркульником.

Не может быть, чтобы его... вот так просто... за каких-то пару часов до суда...

– Извините, – лениво пробормотал старик, вытирая расплывающееся на шее заключенного кровавое пятно. – Я уже заканчиваю.

На мгновение прикрыв веки, Алтаец облегченно вздохнул. Рано еще прощаться с жизнью. Он слишком много не сделал, не успел. Взять хотя бы этого краснорожего ублюдка-вертухая. После всего, что он вытворял в этой камере, оставлять его в живых никак нельзя.

Ворон

Найти мошенника Германа Иванько в пятимиллионном городе оказалось не очень сложно.

Доблестные милицейские сыскари, объявившие на него всероссийский розыск, почему-то полагали, что этот хитрозадый хмырь, благополучно кинувший почти сто двадцать тысяч человек, немедленно после закрытия конторы поспешил покинуть слякотный Питер и осел где-нибудь в тихом солнечном Сочи с кругленькой суммой в закромах.

Возможно, абсолютное большинство всех прочих кидал, промышлявших «трудоустройством за границей», «быстрым оформлением виз в Америку», «приемом вкладов» и прочими модными в последние годы способами обувания доверчивых лохов, именно так и поступали. С тем лишь нюансом, что многие коммерсанты такого рода предпочитали зарубежные «юга» отечественным.

Однако небольшая по объему, но вполне ценная информации об этом мошеннике – за некоторое вознаграждение и обязательство молчать, – в приватном порядке полученная Вороном под видом частного детектива, убеждала в обратном. На основе показаний бывших сотрудников созданного Иванько фонда «Наследие» Сергей пришел к выводу – интеллигентного вида молодой человек с чеховской бородкой до сих пор находится где-то в городе. Хотя, не будучи ори-

гиналом, тоже готовится к скорому отбытию.

Сделать такой вывод смог бы любой следователь, с должным прилежанием относящийся к своей работе. Но, судя по результатам дела, назначенный официальным сыскарем молодой плюгавенький лейтенантик к гениям розыска не принадлежал...

После коротких разговоров с экс-работниками «Наследия», каждый из которых стоил Ворону сотню «зеленых», он узнал, что шеф «накопительного фонда» имеет потрясающую любовницу. С ней аферист согласно случайно подслушанному секретаршей телефонному разговору собирается в самое ближайшее время податься за бугор, едва «...закончится этот козлий марафон и нарисуеться нужное количество „капусты“ для открытия банковского депозита и покупки дома в Монако».

Пикантность же момента состояла в следующем: столь вожденная Германом Иванько барышня с пышным бюстом, загорелой кожей, длинными стройными ногами и редким именем Диана до сих пор работала танцовщицей в пип-шоу «Амазонки». Она имела контракт, который заканчивался спустя месяц после внезапного исчезновения всех денег со счетов «Наследия» вместе с симпатягой директором. Согласно договору по завершении выступлений Диане, регулярно получающей скромные полторы сотни долларов в неделю, причитался щедрый гонорар в размере десяти тысяч обозначенных выше денежных знаков. Ни одна разумная танцов-

щица, отработавшая год в эротическом клубе, не откажется от такой премии, за четыре недели до окончания контракта смывшись за кордон с дружкой-кидалой. Действительно, прибрав к рукам вклады доверчивых людишек, жених может некоторое время и подождать – ничего с ним не случится!

Еще двести долларов, данных на лапу одному из работающих в пип-шоу «Амазонки» танцоров-педиков, позволили Ворону узнать домашний адрес стриптизерши. По словам того же плясуна, она уже упаковывала чемоданы и готовилась буквально на следующий день после окончания контракта вместе с неким импресарио отбыть к теплому Средиземному морю, якобы на новое место работы в шоу дорогого казино в Монте-Карло.

Что ж, предположения Ворона определенно подтверждались. Диане оставалось выйти на круглую сцену ночного клуба в костюме Евы всего три раза, а значит, нужно действовать.

...Он запарковал свою боевую «восьмерку» в нескольких шагах от длинной арки, под тенью раскидистого тополя, ровно в два часа ночи и, закулив сигарету, принялся ждать танцовщицу.

Алтаец

Взять хотя бы этого краснорожего ублюдка-вертухая. После всего, что он вытворял в этой камере, оставлять его в живых никак нельзя.

В тесном, рассчитанном едва ли не на двадцать человек зале районного суда было нестерпимо душно из-за массового скопления людей и ярких ламп, установленных съемочными группами нескольких питерских телеканалов. По «настоятельному требованию общественности» слушания резонансного уголовного дела были открытыми. И кроме фигурантов, так или иначе пристегнутых к этому громкому судебному процессу над одним из лидеров организованной преступности Питера, в зале было несколько знакомых фиксатых и бритоголовых физий из числа братишек, а также полным-полно совершенно чужих и Алтайцу, и сидящему рядом с ним на скамье подсудимых Фролу людей.

Но больше всех Алтайца заинтересовал стоящий у противоположной стены и не спускающий с него внимательных глаз высокий парень лет двадцати семи, в черных джинсах, серой битловке и модном сейчас пиджаке цвета «соль с перцем». Этого пацана, работающего на телеканале «КТВ», Алтаец узнал моментально, поскольку неоднократно видел его по «ящику» в офисе своего ночного клуба «Три карты» или на огромном экране демонстрационного телевизора «Сони»

в трехэтажном особняке на берегу Финского залива.

Игорь Родников вел самую скандально известную в Питере программу «Криминал-Информ». Серия его репортажей о разборках вокруг трастовой компании «Эверест» и о пресловутом палаче Вороне буквально всколыхнула не только безмозглый плебс, но даже привыкшую ко всему на свете братву и воров в законе.

Шоковые документальные кадры о разборке во Фрунзенском универмаге и казни наемного убийцы по кличке Механик, показанные Родниковым миллионам зрителей, а также упорные слухи, что Пегаса и Бизона завалил не кто иной, как тот же ужасный Ворон, окончательно убедили многих скептиков в существовании профессионала-одиночки, который открыто объявил с телеэкрана кровавую войну всему питерскому криминалитету.

Алтаец же относился к меньшинству и был твердо уверен, что хитрожопого Пегаса с придурком Бизоном замочили исключительно менты из РУБОПа, и ненавидел этого журналиста, смеясь над доверяющими его сказочкам трусами. В отличие от наделавших в штаны бритоголовых пехотинцев и прочего пугливого и впечатлительного быдла он не сомневался – Игорь Родников выполняет ментовский заказ, а пресловутый палач в черной маске – один из сотрудников спецподразделения МВД, из которого остающийся за кадром хитрый продюсер решил сделать страшилку для братвы.

– Смотри, на, какие мы с тобой популярные, на!.. – пре-

рвав мимолетные размышления папы, прохрипел Фрол, в очередной раз смачно сплюнув под ноги и сложив руки перед грудью. – Прямо как Бельмондо! Эй, козел, zenки проглядишь!..

– Заткнись, придурок, – мрачно зыркнув в сторону нарочито безмятежного бригадира, процедил сквозь зубы Алтаец. – Если бы ты, коз-зел паршивый, не лоханулся и вовремя распознал в покупателе волыны мусора, мы бы сейчас рожам перед толпой не стрекотали. Гиена...

– Да ты че, в натуре, отец! Я же не знал ничего, бля буду! – едва не подпрыгнул на скамейке Фрол, недопустимо борзо замахав перед лицом авторитета распальцовочкой. – Ты че, меня, своего лучшего друга, за стукача держишь, да?!

– Я сказал – засохни, – понизив голос, предупредил Алтаец. – Твое счастье, сука, что нас в разных камерах держали.

– Да че волну гонишь, папа?! – всерьез набычившись, зашипел Фрол. – Какого хера...

Стоящие рядом с запертой клеткой два вооруженных автомата мента даже не успели моргнуть глазом, как жилистый, словно с загнанными под кожу узловатыми веревками, кулак Бронского со всего размаху въехал Фролу снизу в челюсть, с глухим чавкающим звуком сбив его на пол, будто деревянную кеглю.

По залу прошел ропот, кто-то из присутствующих братков тихо присвистнул, а быстро оправившиеся от столь странного происшествия менты понимающе переглянулись,

с трудом сдерживая проступившие на рожках улыбки. Потом громко рявкнули для приличия и, многозначительно направив автоматы на главного подсудимого, подождали, пока поверженный и прилюдно униженный Фрол встанет с заплеванного им же самим грязного пола и, пробормотав что-то нечленораздельное в адрес босса, займет свое место в противоположном углу закутка.

Едва закончился инцидент, как некий женский голос надрывно выпалил знаменитую фразу «Встать, суд идет!», и небольшое душное помещение наполнилось скрипом, шорохом и приглушенным бормотанием.

Через открывшуюся в стене белую дверь в зал заседаний не спеша вошли и заняли свои места двое серьезного вида мужчин в очках и невысокая рыжая женщина, облаченные в темные судейские балахоны...

Шуты гороховые, мысленно фыркнул Алтаец, по требованию мента поднявшись на ноги. Он не чувствовал ни страха, ни злости – ничего. Только полное опустошение, словно из него в буквальном смысле выпотрошили душу.

И вдруг его в очередной раз прошедшийся по залу взгляд вырвал из толпы незнакомых, безликих и словно бы не существующих людей высокую светловолосую женщину в темных очках. В ней он не без труда узнал ту единственную, о которой постоянно думал все эти долгие месяцы предварительного заключения в одиночной камере следственного изолятора.

От удивления Алтаец даже слегка приоткрыл рот, застыв, как пещерный соляной столб. И немудрено – если бы не сердце, откликнувшееся острой ноющей болью, то узнать в этой располневшей, чужой женщине свою великолепную любовницу и верного бодигарда Лану он ни за что бы не смог. Как же сильно она изменилась... Или это просто умело подобранный грим? А живот? Неужели... Неужели она беременна? И специально пришла, чтобы он заметил ее и узнал правду... Ну конечно, черт побери!

Сглотнув подступивший к горлу ком, Алтаец вдруг почувствовал, что она пристально смотрит на него из-под черных стекол, и едва заметно кивнул. И тут же тонкие, окрашенные розовой помадой мягкие губы, к которым он столько раз прикасался раньше и которые так умопомрачительно и нежно ласкали его наливающуюся, звенящую и пылающую в предвкушении взрыва плоть, ответили ему мгновенной улыбкой.

– Подсудимый, я к вам обращаюсь! – донеслось до сознания Алтайца словно из бездонного колодца.

Он встрепенулся, огляделся по сторонам и, сообразив, чего от него хотят, встал, пригладив руками, одна из которых все еще болела от соприкосновения с челюстью Фрола, сидящие на висках короткие волосы и повернулся к разглядывающим его с каменными рожами судьям.

– Подсудимый, признаете ли вы, что являетесь лидером так называемой зареченской преступной группировки? – с

деловым видом изрек один из мужиков в балахоне, указательным пальцем быстро поправив съехавшие на кончик носа очки с огромными выпуклыми линзами.

Подняв руку, в дело вмешался адвокат. Получив разрешение на реплику, он остановил на своем клиенте внимательный взгляд, для солидности откашлялся и, выдержав длинную эффектную паузу, начал говорить.

– Обращаю внимание суда, что в материалах уголовного дела моего подзащитного нет прямых свидетельских показаний, утверждающих, что известный и уважаемый в Санкт-Петербурге предприниматель, коим, безусловно, является господин Бронский, имеет отношение к вышеупомянутому вами, гражданин судья, сообществу лиц. Господин Бронский состоит действительным членом «Круглого стола российско-го бизнеса» и совершенно легально владеет вторым по величине рестораном в Санкт-Петербурге и сетью строительных супермаркетов по всей области. А также...

Без особого интереса слушая старого хитрого еврея, боковым зрением Алтаец уловил какое-то мимолетное движение возле окна, рядом с которым сидела Лана.

Он окончательно понял, что произошло, лишь через миг – отстраненно, будто по телику, наблюдая, как после двух тихих хлопков оба сержанта, стоявших рядом с решеткой, словно в замедленном кино, вдруг стали оседать на пол, привалившись спинами к стене...

Капитан Логинов

Костя взглянул в его лицо и сразу же ощутил, как по взмокшей спине медленно прокатилась волна арктического холода.

Фиксатый, судя по судорожному движению напрягшихся бровей, тоже его узнал.

Ментовская злая судьба столкнула его с Мусой Касымовым шесть лет назад, когда отряд специального назначения МВД, в котором тогда служил молодой лейтенант Логинов, жестоко подавил трехдневный бунт в одной из отдаленных зон Архангельской области.

В тот раз, когда в результате действий бравых ребят из Питера зона буквально потонула в зэковской крови и казалось, что мятеж окончен, один из пяти зачинщиков лагерного беспредела – Хан – закрылся в камере-одиночке, захватив в заложники вертухая-прапорщика, и, угрожая пройтись по нему пикой, требовал вертолет и какую-то совсем уж фантастическую сумму в валюте.

И случилось так, что в конце концов взял его именно Костя в кажущемся абсолютно пустынным мрачном тюремном коридоре, свалившись идущему к автобусу террористу в буквальном смысле слова прямо на голову, выбив заточку и отработанным ударом сломав правую руку...

Логинов мгновенно вспомнил тот испепеляющий, полный

животной злобы взгляд, каким смотрел на него лежащий на полу морщинистый, высохший от анаши, но необычайно сильный физически азиат, когда Костя застегивал на его запястьях стальные браслеты.

Тогда Логинов почему-то подумал, что теперь и он, и Касымов запомнят лица друг друга до конца жизни...

– Надо же, какая встреча! – протянул фиксатый, осторожной походкой направляясь прямо к столу, рядом с которым неподвижно застыли липовые покупатели «дури». – Вот уж не думал, что придется еще раз свидетелься, попрыгунчик...

Хан холодным взглядом окинул высокого лысого толстяка, к круглой роже которого грозная кличка Скорпион подходила не более чем штопор – к заднице. Судя по движению лицевых мышц, оба продавца – и толстяк и усатый – уже начинали соображать, что к чему.

– Вы кого в дом привели, обезьяны?! Это же ментовские овчарки, из спецназа!.. Хорошо, я вовремя неладное почувствовал, повнимательней в монитор всмотрелся!

Хан сделал короткое движение рукой, которую до сих пор держал сзади, и навел Косте прямо в лицо черный смертоносный провал пистолета с глушителем.

Алтаец

После двух тихих хлопков оба сержанта, стоявших рядом с решеткой, словно в замедленном кино, вдруг стали оседать на пол, привалившись спинами к стене.

Кто-то из присутствующих на заседании тихо охнул. Несколько человек, включая обоих судей-мужиков, как по команде, попадали на пол, гремя стульями и закрывая голову руками. Председательствующая рыжая мымра застыла на месте с бледным, как полотно, лицом, на котором наглядно читался всепоглощающий ужас.

Алтаец быстро огляделся.

Лана и незнакомый ему бородатый тип с пластиковой аккредитационной карточкой телеканала «Нева» на груди, до сих пор старательно делавший вид, что снимает заседание на установленную на штативе видеокамеру, в считанные секунды стали полными хозяевами положения.

В руках Ланы оказались два пистолета с глушителями, которые мгновенно появились из внезапно похудевшего «беременного живота». Из них точными выстрелами в лоб и были убиты оба автоматчика возле клетки.

Моргающая красным светодиодом видеокамера, вдруг разложившись надвое, как скорлупки грецкого ореха, обнаружила в своем чреве компактный пистолет-пулемет с накрученным на ствол черным цилиндром.

Оружие немедленно перекочевало в руки бородача, который без колебания развернулся на девяносто градусов вправо и срезал короткой очередью двух омоновцев в камуфляже, охраняющих дверь в зал заседаний, а потом прошелся еще одной над головами судей, усыпав их осколками шука-турки.

На все ушли считанные секунды.

– Никому не двигаться, руки за голову, быстро! – напористым, пробирающим буквально до костей хриплым голосом приказал «оператор», доставая из кармана гранату. – Мы не хотим лишних жертв...

Под ногами сидящего в первом ряду толстого делового парня в двубортном костюме, белой рубашке и галстукке вдруг начала расплзаться мокрая лужа, пополняемая стекающей из штанины теплой струйкой. В душном и без того воздухе зала отчетливо запахло свежим дерьмом.

Алтаец со смешанным чувством радости и удивления молча наблюдал, как Лана грациозно, словно кошка, перепрыгнув скамейку в первом ряду, бросилась через зал, протянула ему между прутьями решетки один из пистолетов. Потом метнулась вправо, склонилась возле одного из убитых милиционеров и, быстро достав ключ от клетки, двумя поворотами открыла замок и распахнула дверь, преграждающую путь к свободе.

– Вот здорово, а?! – где-то за спиной Алтайца, разом забыв позорный инцидент и глубоко запавшую в душу оби-

ду, воспрянул духом Фрол. Лану он, естественно, не узнал. – А мне пистолетика не найдется, бикса?

Не обращая внимания на ошалевшего от радости идиота, Бронский выскочил из клетки и, повинувшись понятному без слов кивку Ланы, метнулся к окну, которое уже успел распахнуть бородастый. Держа на мушке «беретты» трясущихся от страха, стоящих и лежащих на полу лохов, пришедших поглазеть, как закон покарает очередного преступного босса, Степан приблизился к подоконнику. Он хотел уже перемахнуть через него, благо низкий второй этаж позволял без риска приземлиться на расположенную внизу цветочную клумбу, но, услышав очередной пистолетный хлопок, резко обернулся.

Фрол так и застыл – с глумливой улыбочкой на роже. Между бровями у него появилось маленькое красное отверстие. Затылочная кость бригадира разлетелась на куски. Сгустки похожих на холодец мозгов брызнули по сторонам, обдав испуганные лица стоящих рядом людей, в том числе и парня в костюме с мокрыми брюками.

Смерть подвинувшегося крышей Фрола, которого даже без последних роковых событий уже давно следовало пустить в расход, не вызвала у авторитета практически никаких эмоций, кроме небольшого мимолетного удивления поступком Ланы. Хотя, если разобраться... Но для этого еще будет время, а сейчас надо линять, пока вокруг не начался большой шухер с пальбой и танцами.

Повернувшись к окну, Степан резво запрыгнул на подоконник, примерился к расстоянию, отделяющему его от земли, и, набрав полные легкие воздуха, сиганул вниз.

Приземление на клумбу с желтыми цветами прошло не так гладко, как хотелось бы. Подвернув ногу, он упал на бок, взыв от острой боли, и выронил пистолет...

Ворон

Он запарковал свою «восьмерку» под тенью раскидистого тополя и стал ждать танцовщицу.

Обычно девушка заканчивала свой эффектный порнографический номер со стулом, клубникой и розовым искусственным фаллосом где-то в половине третьего, после чего в течение минут сорока-пятидесяти переодевалась, принимала душ и покидала клуб через служебный ход.

Садилась в малышку «Оку» и довольно резво для дамы трогала с места, отправляясь через весь пустынный городок к старинному петровскому дому неподалеку от Дворцовой площади, где снимала в огромной коммуналке две комнаты, окнами выходящие на канал.

Родом недавняя выпускница педучилища Диана была из далекого Североморска, так что ни собственной квартиры, ни близких людей, ни родственников у нее в Питере не имелось. Только сумасшедший влюбленный романтик Герман Иванько, ради нее готовый даже на преступление. И ведь действительно совершивший его! С одной лишь целью – добыть кучу денег, увезти красавицу-лимитчицу в благословенную Европу, купить там дом и сделать все, чтобы Диана до конца своей жизни больше ни в чем не нуждалась...

Зная печальный опыт рухнувших финансовых пирамид вроде «Эвереста» Макса Денисова, Иванько придумал кое-

что пооригинальней. А именно – подобие страхового накопительного полиса, которым родственники умершего или он сам (разумеется, заочно) могут оплатить достойные похороны, стоящие нынче едва ли не столько, сколько приличная свадьба.

Купить полис мог любой, и его цена колебалась от возраста владельца. Если тебе двадцать пять, то на оплату сопутствующих твоей неизбежной кончине ритуальных услуг, до которой еще как до луны пешком, требовалось выложить за цветную бумажку с номером, фамилией и солидной печатью всего двадцать баксов. И можно быть уверенным – отпоют и закопают не хуже, чем криминального авторитета! С попом, ксендзом, раввином или муллой – кого сам уважаемый клиент закажет.

Если же вам, любезный лох, уже сорок пять – тогда платите аж целый полтинник.

Ну а если повезло, несмотря на суровое сталинско-ленинское прошлое и варварское демократическое настоящее, дожить аж до шестидесяти лет или старше – тогда, мил человек, выкладывайте все сто! Причем отказа не будет, даже если вы имеете рак в четвертой стадии и собрались отдать богу душу уже завтра поутру.

Вот такая нехитрая (хотя как посмотреть) бухгалтерия была придумана господином Иванько.

Этот «бизнесмен» практически вынудил несчастных, десятикратно ограбленных и родным государством, и «депо-

зитчиками» бабушек и дедушек – а основными клиентами фонда «Наследие» были, естественно, люди пожилые – достать бережно завернутые в чистый платочек и спрятанные на самый черный день деньги. Особенно это касается одиноких, несчастных стариков, для которых скромные сбережения от крошечной пенсии – последний и единственный шанс по-человечески отойти в лучший мир, а не быть вместе с бомжами-сифилитиками закопанными за государственный счет на задворках кладбища, в могиле без креста и гроба.

В глазах Ворона Герман Иванько являлся едва ли не худшим из всех тех подонков, с которыми ему раньше приходилось иметь дело. Он был сравним разве что с Пегасом, лишившим Сергея жены и дочери и окончательно поломавшим представление об окружающем мире и стране. Ибо Иванько самым жестоким образом отнимал последнюю надежду у тех, кто был бессилен даже отомстить ему за эту низость.

Затушив сигарету, Ворон затолкал фильтр в пепельницу. Он думал над тем, каким именно способом, соразмерно со-творенному злу, наказать Иванько и как вернуть украденные им деньги несчастным старикам.

Это дело он затеял сам, без всякого заказчика, не рассчитывая на вознаграждение за работу, и только во имя справедливости.

...Шум двигателя Дианиной малолитражки, приближающейся к окутанной густой тенью арке старинного дома, он узнал сразу. Глубоко вздохнул, повернул ключ в замке за-

жигания, запуская форсированный мотор «восьмерки», и, включив первую передачу, стал терпеливо ждать момента, когда пластмассовая коробочка танцовщицы из пип-клуба полностью повернет в арку с набережной канала.

И только тогда Ворон отпустил педаль сцепления и, не включая фары, бросил машину вперед, навстречу неизбежному, точно просчитанному столкновению.

Алтаец

Подвернув ногу, он упал на бок, взыв от острой боли, и выронил пистолет...

Серьезность момента, однако, не позволяла давать волю эмоциям. Быстро взяв себя в руки, Алтаец, скрипя зубами и чувствуя, как из глаз брызнули предательские слезы, неуклюже приподнялся на одно колено, отыскав глазами ствол.

Сжал в ладони рифленую ручку, попробовал принять вертикальное положение, но не смог. Нога не слушалась...

Рухнувший сверху бородач цепко схватил его за плечо, рывком вздернул вверх и с несокрушимостью бульдозера поволок к только что визгливо скрипнувшей тормозами возле дороги синей «БМВ».

Алтаец через распахнутую настежь дверь лицом вперед взлетел на заднее сиденье просторной машины и больно ударился лбом о ручку двери напротив.

Сильная рука резко задрала его ноги едва ли не до потолка, и Степан, приняв «позу ласточки», не удержался на сиденье и рухнул вниз.

На освободившееся место мгновенно плюхнулась масса еще одного тела, спереди и сзади громко хлопнули двери, и «БМВ», взревев мощным мотором, так резво рванула вперед, что еще с добрую минуту у авторитета, упавшего лицом в пыльный коврик для ног и зажатого между сиденьями, не

было никакой возможности самостоятельно пошевелиться. Машина на бешеной скорости сворачивала с улицы на улицу, и его, как мешок с песком, кидало то в одну, то в другую сторону.

Наконец сидящий рядом бородач протянул руку и, дернув, помог раскорячившемуся в крайне неудобной позе Алтайцу принять подходящее положение.

С облегчением откинувшись на спинку, недавний зэк только сейчас смог внимательно рассмотреть находящегося рядом с ним лжеоператора. Несмотря на скрывающие половину лица усы, бороду и кепку-бейсболку с рекламой пепси-колы, надвинутую до самых бровей, в чертах лица сразу промелькнуло что-то очень знакомое. Неужели...

– С освобождением, Степан Михалыч, – положив грозное оружие на колени и улыбнувшись, сказал мужчина. И, словно по команде, вся «группа захвата» – водитель с бритым затылком, почти целиком скрытый за высокой спинкой переднего сиденья, но мелькавший в зеркале заднего вида, и Лана, находившаяся с ним рядом и вполоборота развернувшаяся к Бронскому, – дружно улыбнулась.

– С освобождением, милый! – бархатным голоском произнесла девушка, снимая светлый парик и ставшие уже ненужными солнцезащитные очки. – Как я рада, что мы снова вместе! Как твоя нога, дорогой, не болит?

– А, пустяки! – Алтаец обернулся к бородачу: – А вот вас я ожидал увидеть меньше всего. Ну, в общем, спасибо, за

мною должок...

– «Спасибо» не шуршит, – спокойно конкретизировал спецназовец. – Я – профессионал и предпочитаю деньгами. Двадцать штук «зелени», думаю, меня устроит, – не без скрытой гордости за свою крутость, заметил гость. – А спасибо лучше скажите Лане, это она все организовала и сумела уговорить меня бросить дела и прилететь в Питер на подмогу. Молодец, девочка!

Та сделала вид, что не услышала похвалы бывшего инструктора.

– Папочка, почему ты не спрашиваешь, зачем я пристрелила Фрола?

– Зачем ты пристрелила этого ублюдка, милая? – принимая от бородача сигарету и закуривая, послушно спросил Алтаец.

– Я выяснила, что именно он сдал тебя ментам, папочка. А помогли ему в этом ребята твоего друга Кая. У них все было схвачено, в том числе и в прокуратуре. Понятно, почему граждане судьи за развал дела не брали даже по двойному тарифу. Оказывается, тема была куплена гораздо раньше, когда операция по твоему тихому устранению только планировалась. На суде Фрол получил бы условно, а тебе бы отмерили шесть, а потом, на зоне, должен был произойти несчастный случай...

– Откуда известно? – удивленно вскинул брови Алтаец.

– Мне рассказал это под дулом пистолета один хороший

мальчик из ближайшего окружения Кая. Когда тебя взяли, я была уверена, что не обошлось без стукача, работающего либо на милицию, либо на этого беспредельщика, ставшего в последнее время что-то чересчур сговорчивым. Авто-рынок на Энергетиков без боя сдал, лохотронщиков на Московском... А раньше валил всех без разбору, едва ли не за каждый ларек. Так не бывает... Я попробовала кое-что выяснить, не посвящая в дело ребят. Все равно от них толку мало, они после твоего ареста и убийства Зомби сами не свои, всего боятся. Да и моя легенда... Открываться так глупо не хотелось. Поэтому пришлось вызвать из Белоруссии Сашу с Володей, которых в Питере никто не знает.

– И где сейчас твой разговорчивый приятель?

– Пропал Снуппи, ушел – и не вернулся, – ответила Лана известной фразой из «Собаки Баскервилей». – Это значит – Кай еще не в курсе, что его коварный план в отношении тебя уже рухнул.

– Сегодня будет в курсе, когда в новостях расскажут про вашу мясорубку, – философски заметил Алтаец, мысленно уже во всех красках рисуя картины жестокой мести посягнувшему на его жизнь и территорию беспредельщику.

Кай – Владислав Кайманов – объявился в Питере всего за год с небольшим до злополучного ареста Алтайца из Риги, где на него, как на бывшего бойца известного своими кровавыми акциями рижского ОМОНа, латвийские власти объявили всеобщий розыск, заочно приговорив к «вышке».

В течение короткого времени этот закаленный многочисленными локальными войнами спецназовец собрал группировку из полнейших психопатов, а потом стволами и кровью быстро завоевал себе место под солнцем, в завершение боевых действий неведомо какими путями заключив мир со всей остальной питерской братвой, кроме его, Алтайца, организации.

Некоторое время все было спокойно, и вот – нате, получите! И какую комбинацию придумал, сволочь!

«БМВ», несущаяся по колдобинам Среднего проспекта на Васильевском острове, проскочила трамвайные рельсы, сбавила ход и, притормозив, въехала в проходной двор с темными, похожими на туннели, длинными арками. Проскочив две и оказавшись в очередном мрачном даже ясным днем дворе, машина остановилась.

Алтаец заметил стоящую возле желтой обшарпанной стены «Скорую помощь» и все понял. Это был транспорт, используемый его боевиками из «черной пятерки» для отхода с места акции. Все остальное время неотложка стояла в гараже, неподалеку от главной ментовской обители – Большого дома на Литейном. Спрячь вещь на самое видное место – и ее никто не найдет. Народная мудрость.

– Сейчас мы пересядем в этот автобусик, и он уже без всяких проблем довезет нас до места, – сообщила, первой открывая дверь «БМВ», девушка.

– Не сомневаюсь, моя милая, не сомневаюсь... А «Ско-

рая помощь» именно то, что мне сейчас нужно, – распахнув дверь, пробормотал Алтаец.

Видя его сморщившуюся физиономию – болела вывихнутая нога, – водитель, двухметровый детинушка с розовощеким лицом младенца, поспешил подставить авторитету свое крепкое плечо.

Вся троица, бросив «БМВ», быстро погрузилась в «рафик» и выехала через проходной двор на оживленную улицу, где сидящий за рулем блондин немедленно включил сирену и синий проблесковый маячок.

Водители почтительно расступались, пропуская несущуюся по разделительной линии неотложку, свято веря, что тем самым отвоевывают недостающие несколько секунд, которые помогут незнакомому им бедолаге вовремя успеть добраться до больничной каталки и в конце концов остаться в живых.

Капитан Логинов

Хан сделал короткое движение рукой и навел Косте прямо в лицо черный смертоносный провал пистолета с глушителем.

Недолго думая, с завидной для столь массивной комплекции прытью, примеру Хана последовал и Скорпион. Где-то по ту сторону открытой двери скрипнула ступенька деревянной лестницы...

«Вот тебе и удачное завершение... А как хорошо все начиналось! – подумал Логинов, лихорадочно прикидывая их с Валерой шансы. – Это же надо – в самую последнюю минуту влипнуть в такой тухлый блудняк!»

– Подождите, не стреляйте! Здесь какая-то ошибка... – хрипло сказал он, шагнув навстречу двум глядящим почти в упор стволам и стараясь придать лицу удивленное и растерянное выражение. – Мы так не договаривались! Мужики, вы это дело бросьте, в натуре!.. С пушками не балуются... Может и бабахнуть случайно. Буду, как голландский сыр, весь в дырках. И что потом прикажешь делать?!

Они действовали как настоящие профессионалы – не переглядываясь и заранее не обговаривая, кто и какой участок будет брать на себя. Ибо предусмотреть все возможные варианты развития событий, которые могли ждать их внутри этого дома, было совершенно нереально.

Молниеносным движением схватив раскрытый чемоданчик с деньгами, Валера швырнул его в наркодельцов, тут же отпрыгивая в сторону, перекатываясь по полу и снова пружинисто вставая на полусогнутые ноги. Два слившихся воедино выстрела в замкнутом помещении комнаты гроыхнули, ударив по ушам, как залп полевой гаубицы. Слава богу, мимо...

Тем временем Костя бросил в безоружного усача упаковку с порошком, по цене равную четырем новеньким «Мерседесам», взлетел в воздух, точными молниеносными ударами ног сбил на пол Скорпиона и Хана и, сделав хитрый акробатический финт, ловко выхватил из спецкобуры на щиколотке свой снятый с предохранителя «бульдог».

Практически не целясь, он выстрелил три раза подряд.

Хан получил аккуратную красную дырочку точно между глаз.

Вторая пуля угодила Скорпиону прямо в разинутый рот, выломав затылочную кость и разбрызгав жидкие мозги по полу.

Третья, ударив в косяк, прошла у усача, машинально поймавшего брошенный ему героин, прямо над головой. Для пользы дела среди находившихся в комнате троих наркоторговцев должен был остаться в живых хотя бы один...

Подумав долю секунды, Костя решил не рисковать и еще два раза нажал на спуск, прострелив бледному от ужаса оставленному в живых наркодельцу коленный сустав и пра-

вую руку. В таком состоянии способны оказывать сопротивление только качки-супермены из голливудских боевиков, но уж никак не реальные противники.

Ничего, выживет и показания даст как миленький, а иначе... В наркотическом управлении города Санкт-Петербурга ребята работают сплошь крутые, но нервные. Иногда и сорваться могут...

Подобрав выпавшие из рук мертвецов пистолеты, Валера вжался в стенку с противоположной от Логинова стороны. Выбраться из этой комнаты, в секунду превратившуюся в западню, через единственную дверь, не получив при этом пулю, – задача на сто процентов дохлая, если ты обладаешь человеческим телом, состоящим из мяса и костей, пусть даже облаченным в хитрый современный бронезилет.

Боевики из прикрытия, разобравшись наконец, что к чему, стали из коридора перекрестным огнем расстреливать комнату с затаившимися капитанами.

Оба мгновенно рухнули на пол, стараясь укрыться кто за диван, кто за шкаф.

– Все в порядке! – прошипел Валера в микрофон условную фразу собровцам. – Что за козел такой?! – Он смачно сплюнул прямо на труп Хана, вокруг простреленной головы которого на паркетном полу комнаты расплывалось ярко-алое густеющее пятно.

– Старый знакомый, – пробурчал Логинов, косясь на корчащегося в россыпях пачек с долларами и истошно орущего

от боли кавказца. – Однажды я сделал ему больно...

– Злопамятный, выходит, сука! – кивнул, нервно рассмеявшись, Дреев. – Ну где эти гребаные «маски-шоу», мать их?! Где их долбаные тридцать секунд?!

И в этот момент наконец-то начался штурм коттеджа. Звуки разбиваемых оконных стекол, вышибаемых дверей, стрельба очередями и отчаянные, режущие слух крики соборцев в долю секунды заполнили весь дом.

Костя слишком часто принимал участие в подобных мероприятиях и видел, как они проходят, чтобы ошибиться в их исходе.

Ребята Кая

– Я выяснила, что именно Фрол сдал тебя ментам, – сказала Лана. – А помогли ему в этом ребята Кая...

Дачный поселок в Новосельцево, расположенный в часе езды от северной окраины Питера, тихо спал, погружившись во мрак ночи.

Лишь в одном доме – новеньком деревянном коттедже с красной черепичной крышей, стоящем на самом лучшем месте – на березовой поляне возле берега маленького лесного озера, с самого вечера непрерывно горел свет и доносилась громкая музыка, изредка разбавляемая зычным ржанием гуляющих там хозяев и даже одной автоматной очередью.

Боевики Кая обмывали удачное ограбление ювелирного магазина в Гатчине. По этому случаю были выписаны также две бляды.

Сейчас ребята расположились в сарае, где попросторнее. Они вели неторопливый светский разговор.

– ...А я ему тогда говорю: ты, травоядное, на кого голос повышаешь, а, блин?! – проглотив тигровую креветку, продолжал увлекательный рассказ уже конкретно осоловевший Буля, без аппетита косясь на полный стакан водяры и понимая, что больше в него не полезет. – Не я вам плачу, плесень подзаборная, а это мы с тебя долю свою законную получаем. Чуешь разницу?! – Этот коренастый, пузатый бык с раско-

сыми глазами и золотой цепью на шее получил свою кликуху – Буля – за бешеный, взрывной характер. Вот и сейчас он все больше распалялся. – Да ты нам по жизни должен, овца паршивая!..

– Верняк! – согласился со словами братана квадратный качок Альбинос, небрежным движением плеча сбрасывая с себя руку порядком поднадоевшей шлюшки Райки и для пущей убедительности соорудив ей свирепую рожу.

Обиженно надув пухлые «рабочие» губки, дама демонстративно отодвинулась и обратилась к Таракану с просьбой открыть ей бутылку холодного пива.

Внешне ничем не примечательный боевик, впрочем, несколько напоминающий тех американских киногероев, что вечно ходят с базукой в руках и звериным выражением лица, лениво исполнил пожелание леди.

– Ну а он чего? – с ухмылочкой спросил Плейшнер, у которого после бурного минета с другой приглашенной блядью, чье имя так и не успели узнать, заметно улучшилось настроение. Невзрачный коротышка, до встречи с Каем ни разу не державшийся за девичью сиську, теперь чувствовал себя настоящим повелителем баб. Этот боевик имел исключительно непредсказуемый и кровожадный характер, потому никто и никогда не шутил над ним вслух, справедливо полагая, что молчаливый бесстрашный кореш лучше, чем свой собственный болтливый труп с пулей между глаз... Втайне от замороженного напрочь Плейшнера остерегался даже сам

Кай, естественно, не признаваясь в том никому и никогда.

– Чего он может сказать, потрох сучий?! – довольно оскаллился Буля, зажав зубами сигарету и поднося к ней оранжевое пламя золотой зажигалки. – Обосрался, барыга хренов, язык в задницу засунул и завыл, как щенок! Я моментик этот козырный просек сразу и говорю: за базар, мол, отвечать надо! К завтрашнему утру чтоб приготовил две штуки баксов... А мы с пацанами, так уж и быть, поможем тебе избавиться от конкурента. В качестве гуманитарной, блин, помощи!

– Ну все, на сегодня завязываем, – объявил рыжий громила Туз, хлопнув полный стакан водяры. – Завтра еще работенка предстоит.

На некоторое время воцарилась полная тишина, которая была вероломно нарушена ударом ботинка во входную дверь и визгом давно не мазанных ржавых петель.

Братки и их мочалки, как по команде, дружно повернулись на звук да так и застыли с вытаращенными глазами, мучительно осознавая происшедшее. Ни психопат Плейшнер, ни киногерой Таракан не успели воспользоваться имеющимся у них оружием.

В широком дверном проеме стояли трое: авторитет по кличке Алтаец, в руках которого находился черный пистолет с глушителем, а по бокам – вооруженные компактными автоматами лысые боевики...

Ворон

Ворон отпустил педаль сцепления и бросил машину вперед, навстречу неизбежному, точно просчитанному столкновению.

Впрочем, ущерб от ДТП оказался несерьезным – небольшая вмятина в бампере и одна разбитая, но еще продолжающая светить фара у малолитражки. И всего царапина у потрепанной, но вполне крепкой «восьмерки», бампер которой еще давным-давно был предусмотрительно укреплен в расчете на поцелуй и покруче.

Однако в плане звукового сопровождения удар получился что надо! Грохот ломающейся пластмассы и звон разбивающегося стекла гулким эхом отразились от полукруглых сводов высокой арки.

То, что и требовалось. Ни больше ни меньше.

Ворон вышел из машины первым, с огорченной физиономией. Щурясь и закрываясь ладонью от света фар «Оки», он стал внимательно разглядывать последствия столкновения. А потом, скривив лицо, с досады пнул носком ботинка по переднему колесу своей машины, повернулся к Диане и, залихватски уперев одну руку в бок, понятными и без слов движениями указательного пальца другой поманил девушку выйти на разбор полетов. И немного удивился, когда танцовщица, распахнув дверцу, появилась снаружи, по ходу дела вы-

таскивая из замшевой дамской сумочки черно-красный газовый баллончик.

Девочка, что и говорить, оказалась подготовленной к неожиданным ночным встречам...

– Извините, я, кажется, некоторым образом виноват в этом маленьком происшествии, – развел руками тут же превратившийся из негодующего автолихача в скромного шофера-любителя Ворон. – Надеюсь, вы не станете по таким пустякам вызывать ГИБДД?.. Я бы предпочел совместно оценить размер причиненного мной ущерба, рассчитаться на месте и более не иметь друг к другу никаких имущественных претензий. Тем более сами видите, дело выеденного яйца не стоит. Только давайте, пожалуйста, побыстрее, время-то позднее...

– Да уж!

Видимо, решив, что случившаяся маленькая авария и ее инициатор, так быстро признавший свою вину, действительно не столь страшная трагедия, Диана торопливо убрала баллончик с польским слезоточивым газом «кобра» в карман легкой курточки и сделала два шага навстречу незнакомцу.

– Нечего гонять по дворам, как псих, понятно?! Отойдите, дайте я сама посмотрю на ваши художества...

Звезда порношоу повернулась к Ворону спиной, чуть нагнувшись и оставив упакованную в тугие лосины прилично оплачиваемую задницу, с видом победительницы принялась разглядывать нанесенные малолитражке повреждения.

Выпрямилась, промычала под нос что-то вроде «ни фига себе», вопросительно оглянулась на мужчину в прямой классической кожанке и... ошарашенно застыла, узрев раскрытую прямо перед удивленно хлопающими глазенками красную книжицу с фотографией и тисненной золотом двуглавой птицей.

– Майор Орлов, Федеральная служба государственной безопасности, – как и полагалось в такой пикантной ситуации, сухим казенным голосом представился Ворон.

Алтаец

В широком дверном проеме стояли трое – Алтаец и два вооруженных компактными автоматами боевика.

– Я вам не помешал, господа?! – вежливо поинтересовался Алтаец, сделав шаг вперед и внимательно оглядевшись по сторонам. – Нет, Буля? Ведь ты, щекастый, именно Буля, не правда ли?

– Ну, – с кислой рожей промычал, боясь пошевелиться, пузатый любитель золотых побрякушек.

– Не «ну», скотина, а «так точно», – вздохнул Алтаец, краем глаза замечая, как черноволосый, похожий на цыгана коротышка медленно отводит правую руку за пояс. – Тебя разве в школе не учили вежливо разговаривать со старшими? И вот результат...

Резко вскинув руку с пистолетом и нажав на курок, авторитет на секунду опередил стоявших позади него боевиков. Шустрый недомерок, во лбу которого появился третий глаз, рухнул под ноги находившейся рядом с ним грудастой путаны. Девчонка жалобно заскулила, плечи ее затряслись.

– Кстати, эй ты, бивень! – Алтаец посмотрел на Таракана, на плече которого до сих пор висел автомат «узи». – Аккуратно сними машинку и брось ее во-о-он в тот дальний угол... Молодец, хороший мальчик. Значит, умрешь последним...

– Что тебе надо? – борясь с парализовавшим все его тело страхом, рявкнул Альбинос.

– Мне?! – нисколько как будто не рассердившись, удивленно вскинул брови авторитет. – Да нет, говно, это тебе сейчас надо... Надо думать, как остаться в живых. А вместо этого ты, сукин кот, разеваешь свой хавальник и мешаешь людям разговаривать! Может быть, ты устал топтать землю и хочешь прогуляться на два метра ниже?! Нет проблем, скажи – поможем. Верно, ребята? – Полуобернувшись, Алтаец холодно улыбнулся бритоголовым, и они ответили ему тем же. – Вот видишь – такого рода проблемы у нас в семье решаются быстро. Ну что, герой, еще не передумал?!

Альбинос молчал, потупив злобный взгляд.

– Я вижу, что отвечающая сторона готова к диалогу. Что ж, тогда приступим.

Подняв лежащий возле стены деревянный ящик, Алтаец сел на него верхом, закурил и, разогнав рукой дым, внимательно посмотрел на застывших боевиков из бригады своего врага Кая. Их судьба была решена еще до нападения на коттедж, но для начала, пользуясь положением сильнейшего, следовало кое-что узнать.

– Вопрос первый – где цацки из ювелирного магазина? Отвечать может любой, но на раздумья даю не больше пяти секунд. Молчите? Ладно...

Алтаец сделал знак рукой, и один из стоящих в дверном проеме боевиков прошелся автоматной очередью в несколь-

ких сантиметрах от ног упрямых «быков».

– Ты! – Страхнув пепел, Алтаец ткнул указательным пальцем в Таракана. – Иначе умрешь!

– Они, это... – торопливо выпалил амбал, виновато косясь на молча стоящих с каменными лицами братков. – В тайнике, за картиной! В спальне, на втором этаже...

– Ублюдок! – сквозь зубы прошипел Альбинос, поедая бывшего подельника яростным взглядом. – Пидарас! Коззел плешивый!

– Молчать, тебя никто не спрашивал! – не слишком громко цыкнул Алтаец. – Значит, в спальне, говоришь?!

– Да, – кивнул окончательно поникший «бык», неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Проверим. – Алтаец сделал движение рукой, и один из автоматчиков кому-то находящемуся на улице приказал слетать в дом. В отдалении послышались гулкие торопливые шаги и хлопанье двери. – Если сказал правду, я подумаю, стоит ли тебя убивать или ты еще на что сгодишься, – ухмыльнулся, наблюдая за перекосившейся от страха рожей расколовшегося братка, Алтаец. – Значит, жить очень хочешь?

– Кто же не хочет, – не поднимая головы, буркнул Таракан. – У меня дочка... Ей два годика.

– Дети – это великолепно! – понимающе кивнул Алтаец. – Это цветы жизни! – Он сделал долгую паузу и вдруг резко, вдвое повысив тон, спросил: – Где Кай?! Мне нужен адрес!

Отвечать, быстро! Раз! Два! Тр...

– Я не знаю! – поспешно выпалил Таракан, брызнув слюной. – Клянусь! Он сам нас находит, когда нужно! Или по пейджеру, или звонит на мобильный!

– Где вы должны передать ему долю побрякушек из ювелирного? – напирал Алтаец.

– Завтра в двенадцать тридцать в кафе «Пилигрим» на Садовой! У барной стойки, рядом с игральным автоматом «суперпокер», будет сидеть курьер...

– Вот же падла!

Не выдержав такого откровенного стукачества, Альбинос прикусил губу и с ревом бросился на Таракана, ударом кулака в лицо сбив его, дрожащего, с ног и с размаху припечатав носком ботинка в висок.

Протяжно охнув, поверженный амбал поджал ноги к груди и захрипел, приняв позу эмбриона.

Короткая очередь из автомата, раздавшаяся по приказу Алтайца, прошла блондину наискосок через грудь, разорвав белую рубашку и залив ее кровью.

Повалившись на колени, Альбинос встретился уже бессмысленным взглядом с авторитетом, что-то беззвучно шепнул губами и упал лицом вперед, неестественно вывернув голову набок. Из его приоткрытого рта показалась багровая пена.

Толстая проститутка, до сих пор лишь тихо скулившая, попятилась к стене, уперлась в нее спиной и, закрыв лицо

руками, медленно осела на корточках.

– Не надо... не убивайте... прошу вас... умоляю... не надо... – бормотала она чуть слышно, сотрясаясь от рыданий.

В распахнутой двери сарая, рядом с автоматчиками, показался коренастый крепыш с кожаным чемоданчиком в руке.

– Есть, нашел!

Приняв от бритоголового телохранителя кейс, Алтаец ножом взломал нехитрые замки, приоткрыл крышку, некоторое время с интересом изучал содержимое, потом покачал головой и слегка растянул в стороны уголки тонких, потрескавшихся от долгого пребывания в сырой камере следственного изолятора губ.

– Однако! Кто бы мог подумать...

Закрыв чемоданчик, авторитет поставил его рядом с собой и внимательно посмотрел сначала на валяющийся рядом труп Альбиноса, а потом на некогда грозных бандитов Булю и Туза, после смерти двух братков выглядевших довольно неважно.

В сарае пахло опилками, пороховой гарью и бойней. На улице постепенно светало. По неподвижной, чуть подернутой зыбкой рябью глади озера заскользили первые лучи показавшегося из-за горизонта солнца. По траве стелился легкий туман. Где-то далеко пропел петух и залаяла собака. Наступало свежее, прохладное августовское утро.

– Кто-нибудь из вас, господа, имеет что сказать? – спросил Алтаец, поднимаясь. Ответа не последовало. – Значит,

не имеет... Что ж, хорошо! – Отшвырнув ногой легкий деревянный ящик, служивший ему стулом, авторитет направился к выходу, держа в руке приятно оттягивающий плечо кейс с драгоценностями. Поравнявшись с телохранителями, обернулся, еще раз смерил ничего не выражающим взглядом лучших боевиков злейшего врага Кая и громко приказал: – Замочить всех. Дачу, тачки и сарай облить бензином и сжечь. О выполнении доложить мне лично не позднее чем через час. Все.

– Не-е-ет! – забилась в конвульсиях длинная худая Рая, падая на колени, вертя головой и истерично царапая ногтями землю. – Не на-до-о-о! Я умоляю ва-а-ас!

– Чтоб ты сдох, Алтаец! – расправив грудь и перед лицом неминуемой смерти неожиданно воспрянув духом, твердо и зловеще произнес пухлый Буля. – Гондон штопаный!.. Петух задроченный!..

– Эй, папа, может, отсосешь у меня, пока бесплатно?! – слегка подрагивающим голосом поддержал братка конопатый громила Туз. Если уж все равно подышать, справедливо решил он, то лучше с гордо поднятой головой. Как в кино.

Алтаец резко остановился, несколько раз глубоко вздохнул, потом достал из-под рубашки пистолет и, пружинисто развернувшись, почти без паузы дважды нажал на курок. Оба боевика, скорчившись от боли в простреленных яйцах, рухнули на земляной пол.

– Начинайте, – убирая ствол, спокойно бросил автомат-

чикам Алтаец, уверенным шагом покидая сарай и направляясь к стоящему неподалеку от коттеджа, в перелеске, белому «Лексусу». Рядом с ним сверкал зелеными перламутровыми боками автомобиль сопровождения – джип «Мерседес». Шестиместный минивэн «Фольксваген», на котором приехали пять боевиков-карателей, дожидался их в другом конце дачного поселка.

Авторитет, сопровождаемый двумя высокими молчаливыми парнями в спортивных костюмах, уже вышел с территории дачи, когда его слух уловил долетевшее из-за высокого каменного забора глухое стрекотание двух автоматов «узи» с глушителями. Ну вот и все...

Капитан Логинов

Наконец-то начался штурм коттеджа. Логинов слишком часто принимал участие в подобных мероприятиях, чтобы ошибиться в их исходе.

Костя вошел по вызову в просторный кабинет с тяжелыми малиновыми шторами, где располагался его «теневой», а по сути главный шеф – генерал-майор ФСБ Корнач. На столе, обычно заваленном всевозможной макулатурой, теперь лежал только один лист бумаги с ровными рядами компьютерных строчек и большой двухцветной печатью в самом низу, рядом с размашистой закорючкой.

– Проходи, капитан, садись, – заметил вошедшего в кабинет и выжидательно остановившегося у порога Логинова Корнач.

Подождал, пока полгода назад откомандированный на подкрепление «наркотического» отдела милиции сотрудник ФСБ опустится на обитый красной тканью стул, и протянул Косте документ.

– Ознакомься. Внимательно, – буркнул генерал и, достав из лакированной коробочки на столе сигарету, закурил, долго обжигая кончик высоким пламенем самодельной зажигалки-гильзы.

Логинов знал, что это подарок от «афганцев» из «Альфы», тех самых, которые в семьдесят девятом брали дворец

Амина в Кабуле. Гильза от «калаша» была одной из тех десятков тысяч «сестриц», что в изобилии валялись тогда вокруг резиденции... Трофей, для посвященных не имеющий цены. Как та пуля, которую извлекли хирурги из твоего тела и оставили тебе на память...

Приняв от Корнача бумагу, Костя внимательно пробежал по ней глазами и, по мере осмысления приказа, вдруг почувствовал себя крайне неудобно.

В документе, датированном завтрашним числом и грифом «К», черным по белому было написано, что капитан Логинов отстраняется от разработки по делу гражданина Нигерии Карима Лероя для выполнения нового задания...

В принципе – рабочий момент. Если бы не имя преступника, которого предстояло «вести» Логинову. Оно повергло капитана если не в шок, то в состояние, очень близкое к растерянности.

«...Объект оперативной разработки – наемный убийца, скрывающийся под именем Ворон. Цель – найти и взять живым, а при абсолютной невозможности – немедленно уничтожить, не считаясь ни с какими затратами и потерями. На время операции в распоряжении капитана Логинова находятся все механизмы системы – от группы спецназа при ГУВД СПб до относительно некупированного счета в Управлении финансового обеспечения УФСБ по СПб. Ответственный за материальное обеспечение – майор Бойчук...»

– Тебе все ясно, капитан? – Корнач посмотрел на Костю

из-под бровей, выпуская через мясистый нос две тугие струи серого дыма. – Справишься? Или...

– Честно говоря, затрудняюсь ответить однозначно, товарищ генерал. – Логинов вернул приказ, все еще пребывая в глубокой задумчивости. – Задание понятно, да вот только объект далеко не номинальный... Мягко говоря.

– Согласен с тобой, Костя. – Генерал щелчком указательного пальца стряхнул выросший на сигарете пепел. – Пожалуй, что один из самых сложных и малоразработанных на сегодняшний момент. Несмотря на общественный резонанс и тем паче редкую антикриминальную фабулу производимых этим парнем ликвидаций. Не к месту будет сказано, но до тех пор, пока Ворон отстреливал исключительно хорошо известных нам подонков, там... – ткнул пальцем в потолок Корнач, – хоть и завели досье, однако предпочитали не давать расследованию форсированный ход. Почему, надеюсь, понятно?! – Генерал пристально взглянул на Логинова, и его широкий лоб пробороzdили три глубокие морщины.

– Разумеется, – опустил веки Костя. – Враг моего врага – мой друг?

– Примерно так, хотя и не без серьезных оговорок, – подтвердил Корнач. – Как ни крути, а этот Робин Гуд – киллер, причем экстракласса. Вспомни хотя бы, какую невероятную по сложности комбинацию он провернул возле клуба «Манхэттен», узнав про заказ Бизона и посадив на шпиль собора Святого Альберта двойника, которому и размоzdжил башку

Механик, сам угодивший в ловушку. И, кстати, разыскиваемый нами уже пять лет... А в результате?! – Генерал сверкнул блестящими глазами. – Три трупа – так и не опознанного горе-наемника, Бизона и самого Механика, а вдобавок – эта сумасшедшая видеозапись, подброшенная шустрому журналюге Родникову с «КТВ» и показанная им в «Криминал-Информ» для всеобщего устрашения братков и к сопливой радости пяти миллионов зрителей!

– А потом тем же журналистом демонстрируется по «ящику» вторая кассета, – опережая командира, уверенно вставил Логинов. – И одновременно с трансляцией произошла очень странная смерть бывшего командира РУБОПа полковника Кирилленко, пустившего себе пулю в рот в присутствии десятка свидетелей прямо в магазине «Орбита»...

Известные сейчас всем сотрудникам питерской милиции подробности этого громкого дела, возникшего после появления в Питере финансовой компании «Эверест», вызвали у капитана кривую усмешку. Служебное расследование, начатое по факту самоубийства лишь на днях уволенного на пенсию большого милицейского начальника, выявило немало занимательных эпизодов его деятельности на должности командира регионального управления по оргпреступности. Однако результаты быстро замяли, предпочитая спустить тему в сортир. Ясно почему.

– И тогда очень обиженные боссы, стоящие за московским назначенцем и до поры дергающие за ниточки, решили во

что бы то ни стало покончить с загадочным мстителем, – развил мысль Костя, щелкнув пальцами.

Искося взглянув на Логинова – то ли от попадающего в глаза дыма, то ли от разделяемого лукавства, – генерал вдавил в дно стеклянной пепельницы сгоревший до фильтра окурок и, откинувшись на спинку высокого кресла, сложил руки перед грудью.

– Возможно! Однако это была лишь последняя капля... – Корнач вдруг посерьезнел, лицо его стало похожим на восковую маску. – Мы не знаем поименно всех братков, которые расстались с жизнью при помощи Ворона, но только визитных карточек, оставленных им на трупах, в деле насчитывается двадцать семь штук. А это уже явный вызов. – Двумя пальцами вытащив из нагрудного кармана кителя маленький кусочек картона с нанесенным на него при помощи лазерного принтера изображением птицы, генерал бросил его на полированный стол рядом с Костей. – Полюбуйся.

Повертев в руках визитку, капитан пожал плечами и аккуратно положил ее назад, вопросительно глядя на генерала.

– Значит, так... – Корнач постучал пальцами по деревянной коробочке с сигаретами, вздохнул и нервно отодвинул ее от себя на край стола. – Час с небольшим назад мне лично звонил из Москвы генерал-полковник Шарецкий и сказал дословно следующее: «Если в самое ближайшее время этот мерзавец, называющий себя Вороном, нагло и вызывающе плюющий нам в лицо, не будет сидеть в камере или гнить в

помойной яме, я вас всех, кретинов недоделанных, поставлю раком, натяну на хер, прилюдно посрываю погоны и заставлю их сожрать вместе со звездами!»

– Но почему именно я? – спросил Логинов, наблюдая за всей отражающейся на лице командира гаммой неопишуемых чувств. – В управлении много специалистов с гораздо большим опытом ведения таких сложных дел. Тем более мы с Дреевым только-только начали вплотную подходить к этому проклятому Лерою! Честно говоря, не хочется бросать дело на самом интересном этапе... Я чувствую, что скоро мы обязательно добудем доказательства его причастности к распространению наркотиков.

– Понимаю, – как-то странно, почти обреченно кивнул генерал. – Но... в общем, пока я еще не успел довести до сведения группы, и ты узнаешь первый. В отношении нигерийца принято решение о прекращении всех оперативных мероприятий. Всех, понял?! Это еще один приказ, который я получил сегодня утром из Первопрестольной...

– То есть как – прекратить?! – От удивления Логинов аж привстал со стула, но, наткнувшись на жесткий взгляд генерала, обреченно опустил назад. – Все же знают, что этот гребаный ниггер заполонил весь Питер «белым снегом»!

– Ну и что?! – не выдержав, рявкнул Корнач. – А про чеченскую войну, про пирамиду ГКО, построенную родным Центробанком по примеру того же самого «Эвереста», про заказанное рекламным магнатом убийство Листьева и весь

прочий беспредел, в особенности творящийся за стенами Кремля, разве никому не известно?! А что в результате?! Ничего! У «конторы» шеф меняется едва ли не раз в квартал – неужели все это просто так, ни за хрен собачий?!

Тяжело дыша, Корнач облокотился на стол, положил перекошенный морщинами лоб на сцепленные замком кисти, посидел в такой позе секунд пять, усилием воли беря себя в руки, а потом выпрямился, с поистине генеральским достоинством расправил плечи и после короткого молчания заговорил уже спокойным, обычным голосом.

– В общем, так, Костя, это мое личное решение – назначить тебя старшим по делу Ворона, и я, как ты понимаешь, не могу тебе приказать в трехдневный срок положить передо мной рапорт с подробным отчетом о проделанной работе, включая фото «мстителя» и его домашний адрес! – усмехнулся Корнач. – Однако... как бы мы с тобой ни относились к словесному поносу Шарецкого, по сути он прав. Согласно действующему закону, этот киллер – особо опасный преступник, однозначно заслуживающий «вышку» без всякой скидки на мораторий! То, что он мочит исключительно подонков, не дает ему права на самосуд! А значит, мы должны со всем старанием его отработать, вычислить и для начала определить в одну из одиночек на «минус втором» этаже нашего дома, – глухо, с напором сказал генерал. – А если взять живым не удастся... В общем, приказ ты прочитал, и хватит задавать дурацкие вопросы! Он подписан, а значит, обжало-

ванию не подлежит! Сегодня твоя задача сдать дело Лероя в архив. Все материалы и досье по Ворону получишь завтра в одиннадцать ноль-ноль у меня лично. Вопросы, товарищ капитан?

– Вопросов не имею, – бесцветным голосом произнес Костя.

– Ну что ж, тогда можешь быть свободен, – поставил точку генерал-майор Корнач, взмахнув рукой в сторону входной двери. – Все, до завтра...

Вася из группы Кая

Боевики Кая обмывали удачное ограбление ювелирного магазина в Гатчине. Ребята расположились в сарае, где попросторнее.

Пока братва гуляла в сарае, Андрей Васильев по кличке Вася, догадавшись, что вот-вот вырубится, двинулся в сауну, но глаз сомкнуть не мог, как ни старался. Бесперывно вертясь на жесткой скамейке и ужасно страдая, он наконец не выдержал, свесил босые ноги, прислонился спиной к теплой деревянной стене и некоторое время неподвижно сидел, преодолевая острое желание сблевануть прямо на пол.

Наконец желудок дрогнул, горло сдавило клещами, в глазах потемнело, и Вася понял, что и на этот раз борьба с отравленным алкоголем организмом закончилась для него полным и безоговорочным фиаско.

Кое-как отдышавшись, боевик встал, доковылял до стола с остатками пиршества, схватил початую бутылку пепси-колы и, захлебываясь, высосал ее до дна.

Отшвырнув пустую пластмассовую емкость в сторону, он скользнул плавающим с похмелья взглядом по окну, выходящему во двор, и замер...

Четверо здоровенных шкафов, вооруженных автоматами «узи», осторожно ступая, приближались к сараю, откуда даже до Васи доносились возбужденные голоса братков.

Позади амбалов быстрым, уверенным шагом с вольной в руке шел не кто иной, как сам Алтаец – злейший недруг их группировки, на днях с шухером и крутой мочилровкой сбежавший прямо из зала суда!

И вот он уже здесь, пришел за их душами!

Ошарашенно вжавшись в стенку, лопухий двадцатипятилетний боевик Вася пошарил глазами по комнате в поисках оружия и ничего не нашел. Арсенал, скорее всего, остался в стоящих рядом с воротами машинах, а его любимую игрушку – пистолет «ТТ» пятьдесят шестого года выпуска – маньяк Плейшнер захватил с собой.

Медлить было нельзя. С трудом шевеля окутанными алкогольным дурманом мозгами, Вася все же сообразил, что их бригада оказалась в ловушке. Измена! Надо линять, пока не поздно! Расклад сил был явно в пользу нападавших, значит, затевать перестрелку бессмысленно. Да и все равно ни одного ствола под рукой!

У дверей в коттедж и у ворот алтайцы наверняка оставили «стерегущих» с пушками. По крайней мере, именно так должны были действовать профессионалы, а лохами окруживших дачу парней Вася считать не мог. Рано или поздно, покончив с сараем, несколько боевиков обязательно обшарят все вокруг. Как же быть?! Куда скрыться?!

На какое-то время браток впал в отчаяние, но тут его разламывающуюся по многим причинам голову неожиданно посетила спасительная мысль.

Окно! Маленькое окошко под потолком в душевой, рядом с парилкой! Оно выходило в узкий простенок между высоким каменным забором и коттеджем. Только бы пролезть...

На всякий случай прихватив лежащий на столе зоновский нож-выкидуху с резной ручкой, Вася выскочил из комнаты отдыха в короткий коридор.

Сюда, по обе стороны, выходило пять дверей – в парилку, раздевалку, душевую, туалет и прямо во двор – к заполненному водой открытому бассейну, в который можно было съехать на заднице по желтой пластиковой горке. Но сейчас это был путь к самоубийству, а Вася, как никогда, хотел жить.

Проскользнув в душевую, он бросился к маленькому окошку под потолком, повернул ручку, толкнул пластиковую раму и, сунув в зубы нож, схватился обеими руками за край окна. Подтянулся, вскарабкиваясь по отделанной деревом мокрой стене.

Ноги соскальзывали, буксовали, но страх утроил силы. Коротко стриженная под ежик голова Васи поравнялась с распахнутым окном, пролезла наружу, огляделась. Никого. Вслед за головой, схватившись за наружную часть окна, вылезла правая рука...

После отчаянных попыток выдавить собственное тело сквозь узкое квадратное отверстие, продолжавшихся добрую минуту, Вася, весь изодранный в кровь, со сломанным ребром (полыхнувшая в боку боль была просто невыносимой!), наконец-то протиснул свой торс через проем, но, не удержавшись, упал на пол.

жавшись, мешком свалился вниз с двухметровой высоты. Он упал прямо на разбитую бутылку из-под пива, видимо, выброшенную кем-то из пацанов из окна душевой во время одной из прошлых пьянок.

Острые края осколков, как зубы хищной рыбки пирании, впились в бок как раз в том месте, где тело протяжно ныло от жуткой боли. Прикусив зубами выкидуху – последний аргумент в борьбе за собственную шкуру, Вася тихо застонал.

Кое-как поднялся на ноги, взял в руку нож, выбросил острое лезвие и, подгоняемый страхом, стал протискиваться между домом и забором к дальнему от сарая углу участка. О том, чтобы в этом месте перемахнуть через трехметровый забор, вверху утыканный острыми металлическими шипами, не могло быть и речи.

Достигнув угла коттеджа, Вася осторожно высунулся и огляделся. В пятнадцати метрах впереди, прямо возле забора, отделяющего их территорию от записанной на «левых» людей роскошной дачи чиновника из областной администрации, росла раскидистая старая вишня. По ней можно взобраться наверх, перемахнуть на ту сторону, а уже оттуда дать деру! Главное – чтобы не заметили эти алтайские волки с автоматами...

Как ни странно, но тот факт, что из одежды на Васе были только курчавые волосы на лобке и груди, беглеца совершенно не трогал. Он просто не замечал своей наготы, думая о куда более насущной и животрепещущей проблеме – соб-

ственном выживании. По сравнению с этим все золото мира – просто бесполезная пыль. Мертвецам, как известно, уже не нужны ни зеленые доллары, ни дорогие тачки, ни длинноногие шлюхи...

Сарай располагался чуть в стороне от дома и пристроенной к нему бани. С того места, где стоял Вася, был виден только его край и кусок участка. Там никто не мелькал. Возле машин – черного джипа Таракана и двух «БМВ», принадлежащих Буле и Плейшнеру, – тоже было тихо. Значит, все силы боевиков сосредоточены возле входных дверей в коттедж, за воротами и у входа в сарай...

Внезапно слух Васи уловил короткую, хорошо знакомую механическую песню.

Тах-тах-тах-тах!

Боевик вдруг ясно почувствовал, как вплотную подкраившаяся со спины старуха-смерть уже начинает наигрывать на его позвоночнике «Лунную сонату» Бетховена. Значит, началось! Сомнений не было – песня принадлежала автомату «узи» с глушаком. Глухой, четкий треск, словно кто-то случайно наступил на сухое поваленное дерево...

Распознать в нем автоматную очередь мог только тот, кому лично приходилось давить на курок такой удобной и компактной израильской игрушки. Васе приходилось, и не раз.

Надо рвать когти, времени больше нет! Сейчас или никогда! Набрал полные легкие воздуха, он наметил цель – раскидистую вишню у забора – и легкой бестелесной тенью мет-

нулся из-за угла...

Громко, как взрыв гранаты, так ему показалось, скрипнула входная дверь коттеджа. Враг, обшарив дом и баню, наверняка завладев золотишком из ювелирного и не обнаружив внутри никого, с добычей возвращался к своим!

Находясь на полпути к дереву, голый Вася с ножом в руке являлся отличной мишенью даже для плохого стрелка. Коих среди нападавших не было по определению.

Неужели... все?

Старший прапорщик Шедьяков

– Эй, Андреич, едрена вошь, хватит вафли ловить, открывай давай!

Старший прапорщик Николай Шедьяков остановился перед заблокированным турникетом у служебного выхода из СИЗО, напротив зарешеченного окошка дежурного, чья приплюснутая улыбающаяся морда с чинариком в желтых зубах торчала с той стороны, ехидно покачиваясь.

– Колян, с тебя причитается! – нарочито лениво нажал на кнопку под столом пожилой вертухай. – Полбанки! Отпускничок ты наш...

– Ладно, не болтай, – устало отмахнулся Шедьяков, протискивая свою массивную тушу через узкий проход между дежуркой и турникетом. – Отгуляю, тогда поговорим.

– Ага, знаю я тебя, хохла. Зажмешь, как в прошлый раз, – фыркнул плоскомордый седой вертухай в мятой форме, в отличие от томящихся в камерах экзов, всю свою сознательную жизнь совершенно добровольно проторчавший в питерском следственном изоляторе, успевшем за минувшие годы сменить не только адрес, но и название.

– Андреич, не звезды, – беззлобно оскалился Шедьяков. – Сказал – проставлюсь, значит – проставлюсь. Мое слово – кремень! Ну, давай... На хера мне здесь прохлаждаться, я уже целых пять минут как в отпуске!

Кивнув ветерану, прапор взялся за отполированную тысячами ладоней дверную ручку и потянул ее на себя. Обитая листовым железом обшарпанная зеленая дверь, растянув пружину, со скрипом отворилась. С улицы повеяло свежей прохладой и горьковатым запахом сосен. Изолятор, некоторое время назад переехав в здание бывшей женской тюрьмы, сейчас находился на окраине Питера, в конце длинной дороги-тупика, окруженного редким лесом и дачными постройками.

– Слышь, Колян... – словно раздумывая, сказал вдогонку дежурный. – Ты, это... Поосторожней там, понял? В зеркальце заднего вида время от времени поглядывай. А то как бы чего не случилось.

– Что? – Шедьяков остановился в проеме. – Ты о чем говоришь, Андреич?! Не пойму я...

– Слыхал про побег Алтайца? – сдвинув кудлатые седые брови к переносице, серьезно напомнил вертухай. – Его мясники четырех вооруженных автоматами ментов прямо в зале суда положили. Он – зверь, Коля. Злопамятный. А ты его, помнится, си-ильно обидел. Такие подонки, как Алтаец, никогда не забывают и не прощают. Так что я бы на твоём месте был начеку.

– Андреич, я что, пальцем деланный?! – осклабился Шедьяков, скорчив кривую мину – Скольких ублюдков я отхерачил за десять лет службы, скольких инвалидами и кастратами сделал – и, как видишь, стою перед тобой живой и здо-

ровый! Так что лажа это все...

– Я так думаю: если Алтаец действительно решит тебе отомстить, то валить тебя в открытую не станет, – не унимался старый вертухай, затягиваясь коротким чинариком и щурясь от едкого дыма. – Слишком просто и неинтересно. Он попытается придумать что-нибудь оригинальное, потешить свое тщеславие и напомнить о той ночи, когда ты его уделал по полной программе...

– Батя, я тя умоляю! Отлезь! Пусть только сунется, падло, враз ноги повыдергаю! – бойко отмахнулся Шедьяков, покидая здание. Но, сев за руль своего старенького бежевого «жигуля» и выехав за ворота СИЗО, он почувствовал, как по его широкой потной спине пробежал предательский холодок.

А что, если седой волчара прав и униженный бандитский авторитет действительно попытается получить кровавый должок, да еще с процентами?

Нет, вряд ли он решится на такое... Ему сейчас, после бойни в суде, нужно вообще сидеть тише воды, ниже травы. В конце концов, почти всех, кто попадает в изолятор, мутузят вертухай, и бывалый уголовник относится к этому философски.

Нет, не решится...

Вздыхнув полной грудью, Шедьяков потянулся к бардачку, порылся в его содержимом, в котором черт ногу сломит, вытащил кассету со старыми песнями своего любимого Александра Розенбаума и, вставив в болтающийся под па-

нелю отечественный магнитофон, нажал на кнопку. Из натужно хрипящих динамиков у забрызганного грязью заднего стекла «Жигулей» раздалась аккорды песни, известной, наверное, всему мужскому населению России старше тридцати: «Любить – так любить, гулять – так гулять, стрелять – так стрелять...»

Включив четвертую скорость и прибавив газу, Шедьяков, напевая под нос знакомые с юности слова, бросил дребезжащую «копейку» вперед, по прямой, как лента, но разбитой асфальтовой дороге, к виднеющемуся вдали военному научно-производственному объединению «Трансмаш».

В цехах этого закрытого предприятия еще десять лет назад производили и испытывали на расположенном рядом полигоне гордость Советской армии – танки «Т-72».

Где теперь эта армия, эти танки и эта гордость? – со знакомым многим бывшим «совкам» сожалением в очередной раз подумал старший прапорщик Шедьяков. Проорали! Продали! Пропили, жиды, в Беловежской пуще! И швырнули то, что осталось от великой державы, на растерзание всяким там маклерам-брокерам и таким гребаным ублюдкам, как Алтаец...

Нет, правильно он его отхерачил, правильно! Жаль только, не до смерти!

Ворон

– *Майор Орлов, Федеральная служба безопасности, – сухим казенным голосом представился Ворон.*

– Простите за нанесенный ущерб, но я должен был убедиться, что в машине, на заднем сиденье, действительно никого нет, – объяснил ситуацию «майор».

– Что вам от меня нужно? – на удивление быстро взяв себя в руки и гордо вздернув напудренный носик, с вызовом спросила Диана.

– Сейчас скажу, – кивнул Ворон, пряча удостоверение и мельком оглядываясь по сторонам. Вокруг, как и следовало ожидать, было тихо и пустынно. – Только давайте для начала уберем машины с проезда. Вдруг кто-нибудь решит заехать во двор. Садитесь за руль, я сдам задним ходом и остановлюсь вон там, под деревом. А вы можете парковать машину на своем обычном месте, у подъезда. Потом я предлагаю вам немного пообщаться. Можем прогуляться тут рядом, можем поговорить у меня в машине...

Заметив настороженно сверкнувший взгляд танцовщицы, Ворон чуть улыбнулся:

– Я не собираюсь вас похищать или насиловать. Не уполномочен. Разговор у нас с вами, Диана, пойдет о Германе Иванько и о той нехорошей ситуации, в которую он попал отчасти благодаря вашей красоте и сексапильности.

– Я не понимаю, о чем вы... – суетливо запротестовала девушка, стараясь не смотреть Ворону в глаза. – Какая еще ситуация и при чем здесь я?!

– Вам известна такая организация – фонд «Наследие»?

Ворон внимательно наблюдал за реакцией Дианы и был удовлетворен ее явным замешательством. Все шло по намеченному сценарию, точь-в-точь.

– Ну разумеется... Значит, со скуки не умрем. По крайней мере в ближайшие минут пятнадцать. Давайте для начала отгоним машины, а потом, я надеюсь, у нас еще будет время для обстоятельного обсуждения этой увлекательной и серьезной темы. Прошу вас, садитесь за руль и, ради бога, не вспоминайте про заднюю скорость и не делайте попыток удрать от меня. Во-первых, не выйдет, а во-вторых, не в ваших интересах, поверьте.

Ворон вернулся к своему модернизованному с учетом жестких профессиональных требований автомобилю. Тот, кроме укрепленных бамперов, форсированного мотора, тайника для оружия и скрытого люка в днище, обладал еще рядом неоченимых в экстремальных ситуациях достоинств. Сергей, отъехав назад во двор, дал возможность Диане поставить четырехколесную букашку на площадку перед подъездом.

Вышел из «восьмерки», не вынимая руки из кармана, нажатием кнопки на брелоке бесшумно включил сигнализацию, закурил. Терпеливо дождался танцовщицу, которая, за-

парковав машину, огляделась по сторонам и осторожным, неторопливым шагом, словно по тонкому льду, вернулась к «фээсбэшнику», молча остановившись в нескольких шагах поодаль.

– Ну, жду дальнейших распоряжений... товарищ подполковник, – после повисшей в воздухе паузы вздохнула Диана.

Так обычно вздыхают водители, которым круглорожий сержант ГИБДД ленивым голосом сообщает о превышенной ими на добрых тридцать километров допустимой скорости и начинает что-то записывать в извлеченный из служебного планшета блокнот.

– Майор, – поправил девушку Ворон, делая пригласительный жест рукой в направлении арки. – Я все же думаю, нам лучше пройтись. Дождь уже кончился, так что не намокнем... Сигарету?

– Вы очень любезны, но я не курю! – все еще держась от Ворона на расстоянии полутора шагов, но уже покорно двинувшись вслед за ним, к выходу на набережную канала, объявила танцовщица. – Давайте сразу, как говорится, ближе к телу. Уже поздно, я очень устала и хочу спать!

– С вашим-то опытом работы по ночам – ни за что не поверю, – равнодушно отнесся к столь надуманной проблеме Ворон, цепко держа в поле зрения окружающую обстановку.

Миновав арку, они остановились на тротуаре, пропустили протарахтевший мимо грузовичок с надписью «Вкусная выпечка» и перешли на противоположную сторону дороги, к

чугунному парапету медленно текущего вниз, упакованного в гранит старого канала.

Капитан Логинов

– Можешь быть свободен, – поставил точку генерал, взмахнув рукой в сторону входной двери.

Отвлекаясь от воспоминаний о дне вчерашнем, Константин невидящими глазами посмотрел прямо перед собой, на висящую на стене спальни деревянную мексиканскую маску бога сновидений с торчащими изо рта кривыми клыками.

В течение последнего года, как и все петербуржцы, посредством газет и телевидения наблюдая за совершаемыми Вороном убийствами, Логинов неоднократно ловил себя на мысли, что и сам относится к сторонникам именно таких радикальных мер борьбы с криминальным беспределом, опутавшим страну стальной паутиной. Сейчас же, после получения приказа, он, капитан ФСБ, должен найти и обезвредить киллера, в душе вовсе не считая его преступником и даже во многом ему сочувствуя. Во многом, если не во всем.

Костя не сомневался, что в судьбе этого бесспорно сильного и крепкого мужика произошло нечто страшное, запредельное, заставившее его выбрать именно такую жизнь и, раз и навсегда поставив самого себя вне закона, объявить преступникам настоящую войну.

Ворон знал, на что шел. Как знал и то, что угол падения равен углу отражения и рано или поздно всему наступит конец...

Теперь, если их с Вороном дорогам все-таки суждено будет пересечься, то дальше, за политый кровью перекресток, пойдет только один. Кто?..

Об этом капитану Логинову хотелось думать меньше всего.

Вася из группы Кая

Находясь на полпути к дереву, голый Вася с ножом в руке был отличной мишенью даже для плохого стрелка.

И тут на помощь боевику снова пришла интуиция. Боковым зрением Вася выхватил из окружающей обстановки одиноко стоящую неподалеку собачью будку, явно предназначенную для псины размерами не меньше «кавказца». Почему он раньше никогда не обращал на нее внимания?

Решение созрело в его звенящем мозгу мгновенно. Собственно говоря, в данную секунду это была единственная альтернатива верной смерти.

Гибко пригнувшись, он прямо на ходу, головой вперед, нырнул в прикрытое полосками грубой ткани круглое отверстие, мысленно пожелав себе, чтобы внутри деревянной конуры не оказалось какого-нибудь острого предмета...

Он успел. Упав грудью на истлевшую подстилку – кажется, это была фуфайка – и с чудовищной силой ударившись животом о бортик, Вася пружиной поджал под себя торчащие наружу ноги и затих, сотрясаясь от беззвучных воплей и скорчив страшную рожу. Сначала содранная до мяса кожа, потом – ребро, теперь, кажется, яйца...

Смерть, со скрипом выпуская его из своих костлявых лап, требовала за столь высочайшую милость большую цену! «Ладно, – думал, молчаливо крича от боли, Вася. Главное –

выжить!»

И остаться незамеченным ему все же удалось! Выждав некоторое время после ухода боевиков, учинивших на даче вторую Хатынь, Вася выбрался из будки и, хромая, бросился к охваченному огнем сараю.

Остановился напротив распахнутой настежь двери и замер, поняв, что помогать, увы, некому. Люди Алтайца не могут позволить себе такой роскоши, как живой свидетель. Кругом были только окровавленные, лежащие вповалку трупы, а также беспощадно пожирающий деревянные строения огонь и серый горький дым, бесформенными облаками поднимающийся высоко в небо...

Вася плохо помнил, как, не разбирая дороги, заборов и домов, бросился прочь от этого страшного места, ставшего братской могилой для боевиков и проституток из интим-клуба «Леди люкс».

В голове его что-то замкнуло, и окружающий мир вдруг изменился, перевернувшись, как в сломанном калейдоскопе, на сто восемьдесят градусов.

Миновав небольшую березовую рощу, он, голый, с перекошенным от ярости лицом и сверкающей в лучах утреннего солнца выкидухой, выскочил на проселочную дорогу, прямо перед идущим по ней пожилым мужчиной в рабочей спецовке и оранжевом жилете работника железной дороги.

– Стоять! Раздевайся, живо! Замочу, сука-а-а! – брызгая слюной, зарычал Вася, бросаясь на опешившего от увиден-

ной картины прохожего и за шиворот волоча его в кусты.

От страха мужика парализовало, он превратился в покорную ватную куклу, с которой можно было делать абсолютно все.

Завладев тесной, пропахшей потом и мазутом робой, нацепив на себя не только рубашку, брюки, куртку, дырявые носки и рваные сандалии, но и оранжевую жилетку, Вася, выпуская накопившуюся внутри злость, с огромной удовлетворенностью дважды пырнул несчастного мужика, виноватого только в том, что подвернулся ему под руку, ножом в бледный впалый живот.

Потом вытер лезвие о траву, спрятал выкидуху в карман и снова вышел на дорогу, по которой бодро зашагал к трассе в надежде поймать попутку и на ней добраться до города...

Старший прапорщик Шедьяков

«Нет, правильно он отхерачил этого ублюдка Алтайца, правильно!» – решил прапор.

Оставив машину на территории гаражного кооператива в «ракушке», Шедьяков пешком направился домой, сделав, как всегда, маленький вираж в сторону пивного бара «Гамбринус», расположенного в полуподвале пятиэтажного сталинского дома.

Старший прапорщик был человеком устоявшихся привычек, и ежедневный, кроме выходных дней, когда в дело шла исключительно «беленькая», поход в пивбар стал у него чем-то сродни ритуалу. Три-четыре кружечки свеженького «Степы Разина» с порцией копченой рыбки помогали снять усталость от нервной вертухайской работы, обрести покой и почувствовать вселенскую умиротворенность. Иногда столь сильную, что даже мымра жена начинала казаться вполне нормальной бабой, и при виде ее драного халата, глупой рябой рожи и упакованной в бигуди рыжей башки в форменных штанах прапорщика начиналось некое томление.

Спустившись по выщербленным ступенькам в достаточно чистый, по обыкновению полупустой бар, Шедьяков подошел к полированной деревянной стойке, за которой с невозмутимым лицом стоял молодой усатый парень в белой рубашке и легкой кожаной жилетке. Узнав постоянного клиен-

та, бармен дежурно улыбнулся.

– Добрый вечер! Как обычно? – Не дожидаясь ответа, он взял чистую кружку, подставил ее под сверкающий металлический краник и повернул ручку. Темное, пенящееся пиво стало быстро заполнять емкость.

– Как дела? – без видимого интереса спросил Шедьяков, жадно глядя на свежее пиво и мечтая только об одном – как можно быстрее окунуть в него пересохшие от жажды губы. – Смотрю, посетителей сегодня негусто?

– Да так себе, – пожал плечами бармен. – Завтра будет больше. На заводе зарплату за три месяца дают. – Парень кивнул куда-то за спину. – Мужики гулять будут.

– Заслужили, – степенно заметил прапорщик, беря первую протянутую барменом кружку и сдерживая себя, для солидности дожидаясь, пока наполнится вторая. – А что, рыбы нет? – бросив мимолетный взгляд на витрину с закусками, вскинул брови Шедьяков.

– Для вас найдется, – дружески подмигнул бармен, доставая из-под стойки тарелку с ломтиками чуть обветренной, но еще ароматно пахнущей скумбрии холодного копчения. – Когда заканчивается, мы оставляем несколько порций для завсегдаев.

– Это пра-льно! – облегченно вздохнув, бросил вертухай. – Получите!

Выложив перед барменом пятнадцать рублей, Шедьяков убрал пухлый от полученных отпускных бумажник во внут-

ренный карман пиджака.

Одной ручищей подхватывая тарелку с рыбой, а второй сгребая со стойки две пол-литровые кружки с пивом, он направился в дальний угол зала, за свободный столик возле светящегося аквариума с плавающими в нем окуньками, плотвичками и прочей мелкой речной рыбкой. Хозяин бара, об этом знали многие клиенты, был страстным поклонником рыбной ловли и регулярно менял обитателей аквариума – одних отправляя на кухню, в кастрюлю для просолки, а других помещая в стеклянную тюрьму.

«И здесь – тоже зона! – с ухмылкой подумал прапорщик, присаживаясь на жесткий пластиковый стул и закуривая „Беломор“. – Это же надо!.. Камера смертников, бя! Абзац, полосатые, доплавались!»

Сделав несколько глубоких затяжек, Шедьяков положил папиросу на край глиняной пепельницы, поднял кружку, выпустил изо рта дым и с трепетным наслаждением прилип губами к кружке с пивом. Большими глотками высосав ее до дна, он поставил пустую емкость на стол, тыльной стороной ладони вытер влажные от пены губы и довольно откинулся на спинку, дымя «Беломором» и лениво разглядывая посетителей бара.

Четверо коротко стриженных подростков лет семнадцати, о чем-то оживленно спорящих и машущих друг у друга перед дебильными рожами козьей распальцовочкой; двое пожилых опрятных дедков с бородками; мужчина солидного

вида в костюме, разговаривающий по мобильному телефону; поп в рясе, видимо, из соседней занюханной церквушки, некогда бывшей и цветочным ларьком, и платным кооперативным туалетом. Еще человека три с печатью пьянства на опухших лицах, лакающих дешевое «Жигулевское» с кислыми отсутствующими физиономиями...

В общем, ничего примечательного. Тишина и покой. Хорошо, когда никто не горлопанит, не бьет кружки о стену и не выясняет отношения при помощи кулаков за соседним столиком. Можно нормально выпить пивка, расслабиться, подумать о предстоящем отпуске – первом за последние три года... Благодать!

Докурив папиросу и съев пару ломтиков жирной, но слегка пересоленной скумбрии, Шедьяков потянулся за второй кружкой, рассеянно размышляя: а не выпить ли сегодня еще парочку сверх нормы? Но тут его внимание привлекла высокая симпатичная девица в темных очках, спустившаяся в бар и в нерешительности остановившаяся возле входа.

Наверное, ошиблась адресом красотка, подумал прапор, с интересом разглядывая стройную фигурку с аппетитно выпирающей грудью. Девица была одета в облегающий желтый сарафан, приобретенный явно не на Троицком рынке, а в дорогом модном салоне. Захотела кофейку попить, а тут – угрюмые мужики лакают пиво из толстых стеклянных кружек! Облом-с! А ведь, черт побери, какая куколка... Такую бы пропустить под пивко, со всей тщательностью помяв и

так и эдак!.. Э-эх...

Печально вздохнув, Шедьяков отогнал проникшие в голову крамольные мысли. Куда ему, с его похожей на лунную поверхность, изъеденной оспой вертухайской фотографией и зарплатой в неполную сотню «зеленых», мечтать о такой крале! У нее небось увешанные золотыми цепями кобели штабелями в ногах валяются и ночуют под окнами, как мартовские коты, прямо в своих бронированных «Мерседесах» с подогревом, кондиционером и персональным сортиром!

Сволочи! Хапуги! Твари! Сгноить бы их всех в СИЗО вместе с малиновыми пиджаками, чтобы простых рабочих людей своим сытым похрюкиванием до белого каления не довели! Ничего, придет время, доберемся еще до всех этих буржуев...

Отхлебнув глоток, прапорщик все же не спускал глаз с девицы, которая, оглядевшись и, видимо, решив, что забегаловка хоть и не высшей категории, но далеко не гадюшник, направилась к стойке и о чем-то заговорила с барменом.

Ага, заказывает кофе с бальзамом! И мартини. Точно, денежки водятся. У таких, длинноногих и грудастых на шпильках, они водятся всегда, вне зависимости от кризисов, катаклизмов, реформ и революций. А почему? А потому что зарабатывают они их не головой, а... известно чем. Ляrvы!

Оторвав взгляд от недоступной даже во сне красотки, Шедьяков сосредоточился на прикуривании новой папиросы. Проклятые спички ни в какую не хотят зажигаться, будь они

неладны. Может, отсырели где?

– Извините пожалуйста, у вас не занято? – вдруг послышалось совсем рядом.

Кай

Завладев тесной, пропахшей потом и мазутом робой, Вася бодро зашагал к трассе в надежде на попутке добраться до города.

Главарь преступной группировки Влад Кайманов по прозвищу Кай – высокий статный парень тридцати лет, с гладко выбритым красивым лицом, был вне себя от ярости. Он нервно курил одну сигарету за другой, наполняя пепельницу своего стоящего на набережной Невы возле Зимнего дворца полноприводного красного «Субару» и размышляя над только что полученным сообщением от чудом уцелевшего в новосельцевской мясорубке боевика.

Итак, упрятанный с его подачи в СИЗО Алтаец сумел-таки прознать об измене, с большим шумом и кровью вырваться на свободу, завалив четырех ментов и сдавшего его братишку Фрола. А потом, совершенно непонятным образом прознав про ограбление ювелирного в Гатчине, вычислил лучшую бригаду и, замочив всех, включая подвернувшихся под раздачу шлюх, завладел драгоценностями на огромную сумму! По весьма приблизительным прикидкам, в «дипломате» находилось побрякушек на сто пятьдесят тысяч баксов!

Но не это главное, хотя потерянных денег, конечно, очень жаль... Главное в том, что узнавший правду Алтаец объявил

его группировке беспощадную войну до полного уничтожения. Теперь он не успокоится до тех пор, пока сперва не возьмет под свой контроль большую часть коммерческих точек, отстегивающих бабки Владу, попутно отстреливая его «быков». А потом примется лично за него и не остановится, пока собственными глазами не увидит валяющийся с простреленной башкой холодный, обезображенный труп Кая!

А вот это уже серьезно... И пока бородатые толстобрюхие попы еще не бормочут над его загримированным бранным телом, возлежащим в модном лакированном гробу с медными ручками, отходную молитву, нужно немедленно предпринимать ответные шаги! Необходимо уже завтра-послезавтра активными контрмерами сломать набирающий силу кровавый кураж Алтайца и тем самым выиграть время для взвешенных, продуманных действий по всему фронту...

Вот только как это сделать?! Чтобы до него, козла вонючего, сразу дошло – на крутых пацанах папы Кая крест ставить еще рановато, а вот опасаться каждую секунду выстрела в лобешник – как раз пора!

По мнению Васьки, кто-то из угодивших в западню боевиков, нагадив в штаны от страха, сообщил о местонахождении кейса с добычей. Но Алтайцу, кроме дорогих побрякушек, нужен он, Кай. Значит, этот гад спросил и о месте передачи золота, а ему, разумеется, ответили... Попробуй тут не расколись, когда прямо перед рожей стоит ухмыляющийся громила с автоматом!

Сейчас Алтаец уверен, что свидетелей расстрела не осталось, а значит, курьер, как и планировалось ранее, будет ждать завтра в половине первого в кафе «Пилигрим» на Садовой, чтобы забрать добычу из ювелирного. Благодаря же шустрому Васе, сумевшему избежать расправы и поведать о бойне в Новосельцеве, Кай теперь знает: к назначенному часу в пропахшем марихуаной наркоманском гадюшнике на Садовой будет засада.

Курьера, пришедшего за золотом, повяжут братки Алтайца и поволокут на расколку. А когда бедолага расскажет все, что ему известно о местонахождении босса, образуется еще один жмурик.

При любом раскладе участь курьера предрешена. И этим надо воспользоваться!

За кейсом должен был идти Лом, но подставлять ценного, преданного бойца под верную смерть – тухлое дело, недостойное авторитета. К тому же у Лома такой характер, что легче заставить мумию Тутанхамона написать мемуары о Древнем Египте, чем выбить из этого бывшего боксера с пудовыми кулаками и гладким мозгом нечто действительно ценное.

Значит, на роль смертника-стукача нужен кто-то другой. Тот, кто четко выполнит свою «работу» и кем совершенно не жаль пожертвовать ради сокрушения Алтайца...

Внезапно прокуренную тишину автомобильного салона «Субару» нарушила мелодичная трель сотового телефона,

закрепленного возле светящегося матовым зеленым светом щитка приборов. Кай машинально напрягся. Кто бы это мог быть? Из убитых на даче боевиков новый номер «трубы», который по обыкновению регулярно обновлялся раз в месяц, не знал никто. Только пейджер, а по нему клиента не «пробьешь». Тех же пацанов и лялек, кто знает номер мобильника, можно сосчитать по пальцам одной руки...

Вынув маленькую, мигающую кнопками трубочку из держателя, Кай включил связь и молча ждал, пока звонящий назовет себя первым.

Это была еще одна, заведенная со дня организации группировки, мера предосторожности. О ней были извещены только свои, так что чужие звонки вычислялись мгновенно...

Ворон

Миновав арку, они перешли на противоположную сторону дороги, к чугунному парапету медленно текущего внизу старого канала.

– В общем, так, Диана, – как можно доходчивей и непреклонней сказал Ворон. – Как ты понимаешь, если я здесь и разговариваю с тобой, значит, у меня есть свой резон не давать делу Германа официального хода...

Говоря это, он не лгал – дарить результаты своих поисков погрязшей в коррупции и отмазках милиции смысла никакого не было.

– Это также означает и другое – я полностью в курсе ваших планов относительно скорого отбытия в Европу. Могу даже, если хочешь, назвать город, а значит, сие мероприятие уже заранее обречено на провал. Стоит мне только приказать – и ни один таможенник, ни один пограничник на всей протяженности российской границы не пропустит вас дальше комнаты предварительного задержания аэропорта, вокзала или автомобильного пропускного пункта... А потом прибедет группа плечистых ребят с автоматами, наденет на вас браслетики, пинками и подзатыльниками погрузит в «козла», и начнется самая что ни на есть веселая жизнь...

– Короче! – Танцовщица изобразила подобие вымученного стога. – Не надо мне промывать мозги, майор, я не дура

какая-нибудь. Все уже давно поняла!

– Вряд ли, – категорически не согласился Ворон. – Во всяком случае, не до конца. У меня есть запись твоего телефонного разговора с любовничком, из которого следует, что ты, солнце ясное, находилась в курсе мошеннических намерений фонда «Наследие» и, зная о том, не сообщила о готовящемся преступлении в компетентные органы. А это уже соучастие чистой воды. Причем доказанное неопровержимой уликой и свидетельскими показаниями. Хочешь узнать, какой срок обламывается по статье за соучастие в мошенничестве?

– Ну что за дешевые прихваты! – скривила губки Диана. – Говори прямо, что хочешь за услугу?! Денег? Сколько?!

– Плюс дача взятки должностному лицу при выполнении им своих служебных обязанностей, – как ни в чем не бывало продолжал давить Ворон. – Еще года два-три дополнительно как минимум. Итого уже восемь. Жаль тратить жизнь зря, правда, Диана?

– Утомляешь, майор, не в театре, – злобно прошипела порнодива, останавливаясь. – Слушай, перестань лепить мне горбатого, ладно? Если бы у тебя был резон сразу же отвезти меня в «контору», то мы бы здесь сейчас не прогуливались, как кошачья парочка по крыше! В общем, или ты переходишь к главному, или я пошла домой, понятно?! Долдон...

– Я же тебе говорил, девочка, ты не всасываешь смысл происходящего, – щурясь от попавшего в глаза сигаретного

дыма, бросил Ворон. – Неужели ты до сих пор так и не сообщила, что если наша доверительная беседа не закончится так, как этого хочу я, то домой ты уже не попадешь?

Ворон, достав из кармана мобильный телефон, закурил сигаретный фильтр зубами и принялся не спеша давить указательным пальцем в кожаной перчатке на светящиеся зеленые кнопки. Набрал номер, приложил телефон к уху и резко, показывая откровенное недовольство происходящим, выплюнул окурок в воду канала.

Сейчас она должна сломаться. Или он ни черта не понимает в психологии преступников, находящихся перед очевидным для любого нормального человека выбором. Впрочем, попадаютя и исключения.

– Ладно, я погорячилась! Ай эм сори, майор! – после томительного молчания и лихорадочных напряженных размышлений примирительно подняла обе руки танцовщица. Подавленно улыбнувшись, она первой двинулась вперед по дорожке вдоль канала. – Твоя взяла, сдаюсь. Свобода бесценна, в отличие от всего золота мира, – это сказал, кажется, еще Сократ. Что от меня требуется, чтобы мы разошлись по хорошему и больше никогда не встречались, а?

Старший прапорщик Шедьяков

– Извините, пожалуйста, у вас не занято? – вдруг послышалось совсем рядом.

Вздвогнув, как от утреннего звона будильника, прапорщик поднял голову и посмотрел на стоящую рядом с его столиком и приветливо улыбающуюся девушку в черных очках. Прямо в нос, перебив витающий вокруг горький запах дешевого табака, ударил тонкий аромат дорогих французских духов.

На какое-то мгновение у обалдевшего от неожиданности Шедьякова пропал дар речи и закружилась голова. Он с трудом взял себя в руки, растянул в стороны непослушные толстые губы и неуверенно пожал плечами:

– Ну... вроде нет... – и зашипел от обжегшей пальцы спички, которая сгорела в его руке.

– Здесь так симпатично, у аквариума с рыбками! – нежно пропела девушка, поставив на столик чашку-наперсток с дымящимся кофе эспрессо и высокий тонкий бокал с мартини. – Всегда мечтала завести рыбок! Я вам действительно не помешала? Может, вы хотели побыть в одиночестве, такое случается...

– Нет! Что вы! Очень рад! – засуетился, торопливо отодвигая с центра стола пепельницу и пустую пивную кружку, растерявшийся вертухай. – Просто я не думал... Кругом

столько свободного места... – сказал он и тут же пожалел об этом. А вдруг правда пересядет?

– О, здесь все зависит от человека! – тихо рассмеялась девушка. – Я, например, терпеть не могу одиночества! Даже когда прихожу домой, то сразу включаю свет во всех четырех комнатах, музыку и телевизор. – Она несколько смущенно и кокетливо поджала ярко накрашенные красной помадой губки-бантики. – Просто среди посетителей я не нашла более приятного на вид человека, чем вы, поэтому и решила сесть за ваш столик...

– А как же тот господин с мобильным телефоном?! – с иронией спросил распираемый от радости вертухай. – Помоему, вполне приличный мужчина. Разве нет?

– Фи, – наморщила носик девушка и снова улыбнулась. – Бизнесмены – все такие зануды! Только и разговаривают о своих проклятых акциях, процентах, контрактах и налогах! Ску-ко-ти-ща, скажу я вам по секрету. Тихий ужас. Другое дело – вы...

– Что – я? – с любопытством спросил Шедьяков. – Откуда вы знаете, чем я занимаюсь? Может, я тоже... этот... как его, черт... брокер!

– Ну уж нет! – снова весело рассмеялась, качая головой, красотка в черных очках. – Вы совсем не похожи на брокера. Скорее на охранника. Широкие плечи, крепкие руки, мужественное лицо, волевой подбородок. Как правило, именно такие мужчины выбирают профессию, связанную с силой.

Может, вы офицер?! – словно озаренная внезапной мыслью, предположила девушка, подавшись вперед и невольно подставив взгляду собеседника едва не вываливающиеся из сарафана загорелые груди, способные нокаутировать любого мужика. – Спецназовец, ага?!

– Ну... – вконец растерялся прапорщик от обрушившихся на него с такой детской простотой комплиментов. – Почти... В общем, вы правы. Я действительно имею самое прямое отношение к силе. Но, – Шедьяков поднял указательный палец и с видом шпиона приложил его к губам, – об этом больше ни слова, договорились? Военная тайна!

– Обожаю всякие тайны! – заерзала на стуле красавица.

Сняв с плеча маленькую бархатную сумочку, девушка достала из нее пачку тонких ментоловых сигарет «Вог» и положила на стол вместе с маленькой золотой зажигалкой. Достала сигарету, зажала между пальцами и, вопросительно посмотрев Шедьякову прямо в глаза, подождала, пока дуболом-прапор сообразит дать ей прикурить.

– А вот у меня профессия совсем неинтересная, – вздохнула, выпустив колечко дыма, девушка. – Я – единственная и любимая доченька папы-банкира. Целыми днями мучаюсь от безделья, не зная, чем себя занять! Массажные салоны, солярии, бутики, презентации – все это так осточертело, что хоть вой! И окружение... Животные! С ними не о чем поговорить! Тряпки, машины, баксы, курорты, побрякушки – вот и все! Такая у меня кошмарная жизнь. Представляете?!

– Да уж, – стараясь не смотреть на очаровательную собеседницу, усмехнулся Шедьяков. – Суший ад!

– Иногда так не хватает общения с настоящим, уверенным в себе мужчиной, сильным, открытым и не замороженным мыслями типа – а не охмурить ли мне эту богатенькую красотку, тихой сапой набившись в зятя папику-банкиру? Что вы улыбаетесь? Знаете, сколько мужиков из моего окружения ложатся спать и просыпаются только с этой единственной мыслью?! Десятки! А может, и больше, я не считала... Альфонсы! Ненавижу их всех! – обиженным тоном выпалила девушка, тяжело вздыхая.

Шедьякову показалось, что сейчас ее облегающий желтый сарафан разорвется под давлением двух высоких упругих вершинок, так четко очерченных тонкой эластичной тканью. Где-то между его ног стремительно просыпалось неукротимое, наливающееся силой буквально за считанные секунды мужское желание. В разгоряченную голову лезли сумасбродные мысли. Блестящими глазами разглядывая сидящую напротив него чудовищно сексуальную девицу, ни с того ни с сего вдруг заведшую разговоры о «настоящем мужике», Шедьяков лихорадочно взвешивал свои шансы.

А если действительно выгорит?! От такой смелой и безумной, в его жалком плебейском положении, мысли становилось совсем жарко. На лбу и над верхней губой вертухая выступили маленькие капли.

Пора было срочно охладиться, и Шедьяков с жадностью

приложился к запотевшей кружке с пивом. У-ух, кайф! Пиво – настоящий напиток богов! Еще бы раков, как когда-то в юности...

– Неужели папа отпускает вас на прогулки без телохранителей? – прихлебывая пиво, поинтересовался Николай. – А как же киднепперы, бандиты и прочая сволочь? Вдруг похитят?!

– Вообще-то, если по правде, телохранитель действительно есть, – немного подумав, ответила девушка. – Но с ним нечего даже думать о том, чтобы заглянуть в простой народный подвальчик, вроде этого чудесного бара с рыбками! Сразу, сволочь, начнет звонить папочке и докладывать, представляете?! Так что сегодня я его кинула: договорилась с заведующей, моей подругой, и убежала из магазина «Монтана» через служебный вход, села в тачку и тю-тю! Правда, я молодец?!

– Просто слов нет, – развел руками ослобившийся от избытка эмоций Шедьяков. – И не страшно? Одной-то... Люди ведь всякие встречаются...

– Ну, поэтому я и села за один столик с вами, не вон с тем сутулым оборванцем в рваных кедах! – залилось звонким смехом непослушное банкирское чадо. – Кстати, что мы все на «вы» да на «вы»?! Меня, например, Элеонорой зовут. Можно просто – Эля. А тебя, офицер?

– Николай, – слегка опустив подбородок, представился вертухай. – Можно просто – Коля!

– А не выпить ли нам с тобой еще по бокальчику, а, Колян?! – с ходу предложила девушка, хитро прищурившись. – Знаешь, целую неделю не надиралась, а так хочется, аж жуть! Ты как сегодня, не торопишься?

– Ну-у... – вспомнив о ожидающей его дома супруге и ее бигуди, неуверенно протянул Шедьяков. – В общем, на сегодня у меня никаких дел. Я вот уже целый час с гаком как в отпуске! Двадцать четыре рабочих дня!

– Слушай, так это просто замечательно! – приглушенным шепотом воскликнула Элеонора, оглядываясь по сторонам, как будто опасаясь, что рядом могут притаиться нанятые папочкой для слежки за хитрой, непоседливой дочуркой частные детективы. – Тогда, может, ты сходишь и возьмешь для меня еще мартини? И мороженое, если есть, а?!

– Конечно, о чем речь! – расплылся в счастливой улыбке прапорщик и, подхватив пустые кружки из-под пива, поспешил к стойке.

Вернувшись через минуту, он поставил перед девушкой бокал с мартини и шоколадку с орехами на блюде, а перед собой – коктейль под названием «отвертка», в котором водочка составляла добрую половину.

– Бармен сказал, что вообще-то у них мороженого нет, но специально по моему заказу через пять минут будет настоящее «ассорти с вареньем», – переводя дыхание, с гордостью сообщил Шедьяков. – Ну как, подходит такой вариант?

– Колян, ты – прелесть... – пронзив вертухая многозначи-

тельным взглядом, с грудным придыханием произнесла Эля, положив на его мозолистую, со сбитыми костяшками, руку свою маленькую, теплую и влажную ладошку с безупречным маникюром. – Знаешь, я уже решила – похищаю тебя до завтрашнего утра! Ты, надеюсь, не против?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.